

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

A man with long dark hair, wearing a red tunic with a fur collar and a dark fur cloak, stands on a wooden boat. He is holding a silver helmet in his right hand. A sword is tucked into his belt. The background shows a dramatic landscape with snow-capped mountains and a body of water under a cloudy sky.

ДВЕ СУДЬБЫ
ХАЛЬВДАНА ЧЕРНОГО

Хальвдан Черный

Елизавета Дворецкая

Две судьбы Хальвдана Черного

«Автор»

2026

Дворецкая Е. А.

Две судьбы Хальвдана Черного / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2026 — (Хальвдан Черный)

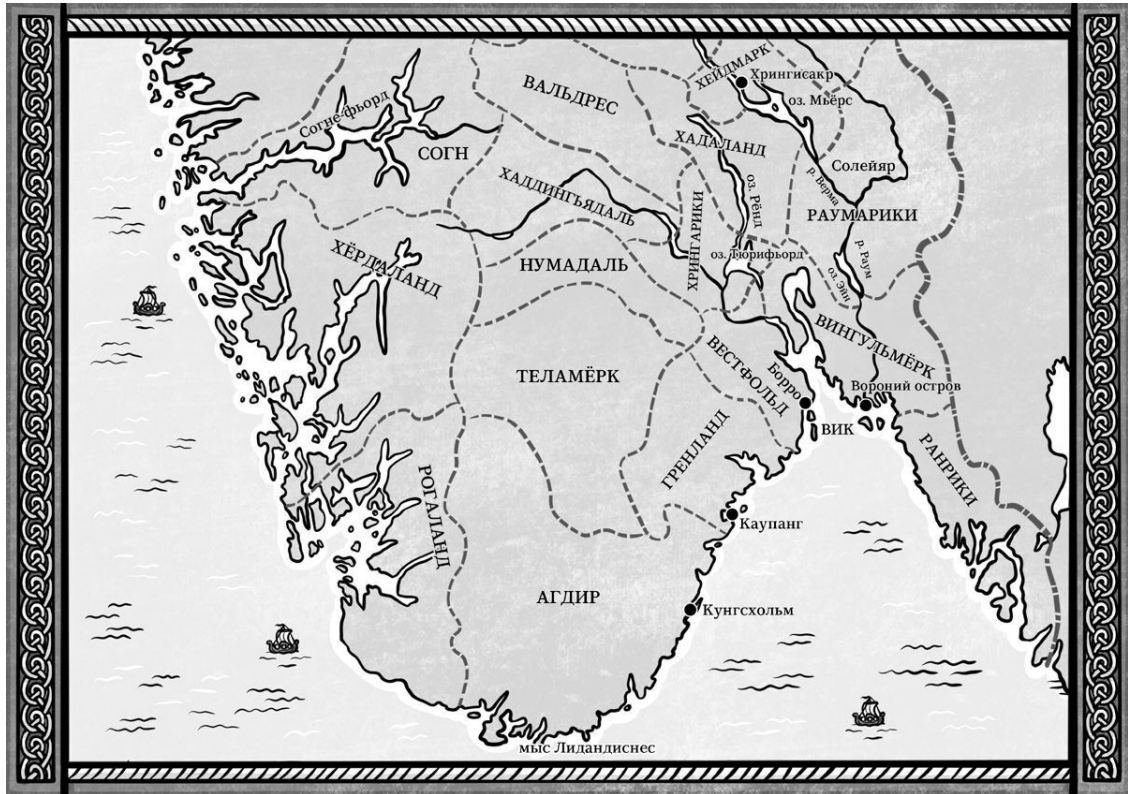
Южная Норвегия, 833 год. Ему всего восемнадцать лет, но по всему Восточному и Западному краю известен его черный шлем, черная шкура вепря на его плечах и его прозвище – Пес Хель. Сын отца, убившего родичей матери, и матери, погубившей отца, он начал с того, что спустился в Хель, чтобы схваткой на погребальном корабле закончить родовую распрю. Слава любимца Хель повергала земли к его ногам. Но мало кто знал, что его успехи достаются в борьбе с мстительной тенью из Йотунхейма, идущей по пятам, и каждый шаг молодого конунга Хальвдана Черного приближает выбор одной из двух предреченных ему судеб – вечная слава или глухое забвение.

Содержание

Прядь о Браги	6
Часть первая	9
Прядь 1	9
Прядь 2	17
Прядь 3	22
Прядь 4	28
Прядь 5	34
Прядь 6	37
Прядь о Трюме	41
Часть вторая	49
Прядь 1	49
Прядь 2	54
Прядь 3	61
Прядь 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елизавета Дворецкая Две судьбы Хальвдана Черного

Норвегия, Восточный край, 833 год

Прядь о Браги

Крупный черный ворон пролетел над головой, обгоняя, и стал нарезать круги впереди. Браги сын Бодди, известный в Восточном и Западном краю как Браги Скальд, придержал коня и стал следить глазами за птицей. Недавно в долинах выпал снег, но сквозь тонкий белый покров везде виднелся серый камень крутых склонов. Подступали сумерки, молчаливые горы вокруг дремали. В воздухе сгушалось дыхание ночи, нигде не виднелось ни проблеска жизни. Браги Скальд знал эту часть Вестфольда – едва ли нашлись бы населенные земли в Северных Странах, которых он не знал бы, – и надеялся к ночи добраться до хутора Альфаста Кукушки. Однако появление ворона сразу отвлекло его мысли от ночлега и ужина.

Вслед за первым вороном пролетел второй и стал кружить над ближним пригорком. Две птицы Владыки Ратей сразу – это уже не напоминание, это предупреждение. Браги Скальд неспешно ехал вперед, не теряя воронов из виду. Сперва один, потом второй устремился к склону горы, увлекая за собой взгляд Браги, и оба сели. Захлопали крыльями, вздымая со скальных выступов тонкий мелкий снег... Браги моргнул, в глазах прояснилось, и он увидел, что второй ворон опустился вовсе не на камень, а на плечо мужчины, сидящего среди заснеженных валунов.

В глазах зарябило, горы закачались, как отражение в потревоженной воде. Сидящий на склоне казался и велик, и мал, взгляд не мог определить, насколько он далеко: может быть, он величиной с гору, только до него день пути. Так всегда бывает, когда жители иных миров выходят в Среднюю Ограду¹ и раздвигают собой тесную ткань здешнего бытия. Пробрало холодом, все тело охватила дрожь, будто сама душа трепетала под ветром, грозящим вырвать ее и унести навсегда. Браги стиснул зубы, глубоко вдохнул. Не в первый раз с ним такое случалось, но привыкнуть к этому невозможно. Как ни будь человек силен, умен, опытен и сведущ, все его достоинства – пыль перед их источником. А источник сил Браги Скальда как раз и сидел, скрестив ноги, на большом валуне. На плече его примостился ворон, второй важно расхаживал по камню чуть ниже. Еще ниже по склону и слева глаза Браги зацепили серую мохнатую спину волка, а выше и справа – поднятую белую морду другого. Животные обрамляли фигуру своего владыки, и отделяя его от окружающего мира, и включая в него.

Бог Воронов не всегда является в человеческом облики – даже приходиться наяву ему нет нужды, – но сегодня выглядел очень близко к тому, как его обычно описывают. Крепкий мужчина на шестом десятке лет – из тех, от кого бежит дряхлость, кого годы лишь закаляют до несокрушимости камня. Обнаженный по пояс, он был одет в синие мешковатые штаны, изрядно потрепанные, обут в стоптанные датские башмаки, сам вид которых внушал мысль о бесконечности пройденных им дорог. На плечах лежала волчья шкура, позволяя видеть крупные мышцы рук и груди. На загорелой, почти глиняного цвета коже выделялись ярким блеском толстые золотые браслеты на запястьях и над локтями. Искусная работа, тонкие причудливые узоры сразу давали понять, из каких кузниц вышли эти украшения: где мастера имеют вечность, чтобы совершенствовать умения, а заказчики готовы ждать сколько потребуется. Серые волосы спускались ниже пояса – частью пряди были заплетены в косы, частью перевиты золотыми нитями, расчесаны или спутаны. Легкий ветер чуть колебал их, как колеблет травы на скале. Сам их хозяин сидел неподвижно, и эта неподвижность, каменная мощь и нечувствительность к холоду ясно выдавали его изначальную природу.

В лицо Браги смотреть не хотел, но оно властно притягивало взгляд. Седая борода, тонкие морщины на лбу и на скулах, густые, изломленные черные брови, а глаза – черновато-синие, бесконечной глубины.

---

¹ Средняя Ограда (Мидгард) – земной мир, населенный людьми.

Конь остановился сам, будто уперся в стену. Браги Скальд покорно соскочил наземь, поклонился и сделал несколько шагов к камню, где сидел властелин зимней долины.

– Приветствую тебя, Бог Воронов! Здоров будь и в духе добром!

Раз уж он появился на пути, значит, желает кое-что сказать. Браги ждал.

– Ты едешь к Олаву сыну Гудрёда, – промолвил Странник.

Его негромкий голос достигал разума, казалось, не снаружи, а изнутри души. И с этим голосом душе делалось тесно.

– Именно так. Моя сестра, Исвильд-пророчица, попросила меня навеститься в Каупанг, то есть в конунгову усадьбу Скирингссаль. Туда к Дискалоту должен явиться молодой Хальвдан, сын Асы из Агдира, чтобы потребовать от Олава половину наследства их общего отца. Для Исвильд он кто-то вроде племянника, да и для меня тоже – наш отец был воспитателем Асы. Хотелось бы ему помочь. Хальвдан совсем еще юн и нуждается в поддержке. А задатки у него хорошие.

– Два сына одного конунга, но разных матерей, делят наследство. – Голос Подстрекателя Битвы звучал так низко, словно говорили сами камни. – Старший родился от благородной жены, второй – от пленницы. Ты знаешь, чем кончаются такие тяжбы.

Браги Скальд ощутил, как усиливается дрожь. Возникло чувство, что он скользит к краю пропасти и вот-вот в нее рухнет. Он желал совсем другого, но нет воли, способной преодолеть волю Одина. Человеческие желания перед нею ничего не значат. Разбиваются, как хрупкий тонкий лед о камень.

– Хальвдан... должен погибнуть? Как Хлёд погиб в сражении со своим братом Ингетюром?

– Молодой Хальвдан нужен *мне*. У него задатки куда более достойного мужа, чем у Олава.

– И поэтому ты обрекаешь его на поражение? – не сдержался Браги.

– Он должен пополнить мою дружину. От него в час последней битвы будет куда больше толку, чем от Олава. Он куда больше унаследовал от их отца, Гудрёда. Вот кто был отличным воином, хоть и умер так неудачно, что достался Хель. Гудрёд для меня потерян, так пусть его заменит наиболее достойный из сыновей. А ты явишься к Олаву в Скирингссаль и напомнишь ему ту сагу о Хлёде и Ингетюре, чтобы поддержать его храбрость, внушить желание борьбы и веру в победу. Иначе заячье сердце вынудит его сдаться еще до боя, и я ничего не получу.

– Но Повелитель! Хальвдан так юн, ему всего восемнадцать лет! Он только что занял престол в Агдире, он одержал лишь одну победу, да и той не было свидетелей, кроме Исвильд, моей сестры. Если ты заберешь его сейчас, он без следа исчезнет из людской памяти, едва умрет его мать. И как его встретят в Валгалле? Седые герои древности будут насмехаться над ним, называть мальчишкой, чье место – на полу у входа, чья доля – обглоданные кости! И он не сможет возразить, ему будет нечего сказать о своих деяниях! Дай цветку его доблести расцвести, а уж потом срывай! Какой тебе прок от незрелого плода?

Волю Владыки Асгарда нельзя переломить, но он ценит умелую речь и не глух к мольбам, если в них есть смысл. Браги Скальд говорил, избегая взгляда Альфёдра – Могучего Властителя и глядя на его золотые браслеты, по которым, как струи в ручье, бежали бесконечные цепочки сменяющих друг друга рун. Владыка слушал его, а это уже был хороший знак.

– Ты хочешь, чтобы я отдал победу Хальвдану? – В низком голосе Одина послышалось сомнение и насмешка – как если бы мог их выразить грохот камнепада. – Но я не хочу видеть у себя Олава. Он пышен и румян, самолюбив и щеголеват, но слабодушен и труслив. Пошел не в отца. Ему не будет места за моим столом.

– И ему ты позволишь убить Хальвдана? – снова возразил Браги. – Это будет позор, если трусливый одолеет отважного.

– Мне нужен хороший боец. Каким был Гудрёд Охотник.

– Забери к себе Гудрёда. Неужели тебе это не по силам?

– Гудрёда украла у меня Хель, и виновата в том Аса, мать Хальвдана. Она отняла у меня своего мужа – пусть расплатится сыном.

– Это неравноценная замена.

– Но заполучить Гудрёда я не могу. Или ты знаешь способ?

– А что если найду? – Браги прищурился.

Бог Воронов задумался. Потом медленно поднял руку, перевернул ладонью вверх – и на его ладони появилось красное яблоко. От него исходило легкое сияние, как будто вместо сока его наполнял солнечный свет.

– Я помню наш с тобой уговор, – сказал Владыка Ратей. – Верно служи мне – и тебя ждет бессмертие в Ограде Асов. Но ты знаешь, что это за служба. Я должен получить воина, которого мне не стыдно будет посадить за стол среди других. Олав мне не годится. Не думаю, что ты сумеешь вырвать Гудрёда из рук Хель, что держит его в объятиях уже почти двадцать нижних лет. Но я всегда готов дать вам попытку. Одного из них я жду – Гудрёда или Хальвдана. Если ты сумеешь уберечь своего «племянника» и не обидеть меня – ты еще более мудр и хитер, чем я думал. Если тебе удастся – я обещаю покровительство твоему любимцу. Пусть сбудется предсказанное ему добро, а зло – рассеется.

Браги поднял взгляд к глазам собеседника – неодолимая сила чужой воли заставила его сделать это. Правый глаз Бога Воронов вдруг исчез и сделался окном в черную бездну. Браги моргнул, не в силах смотреть туда. А когда открыл глаза – увидел лишь заснеженные камни. В воздухе что-то мелькнуло, будто крылья взлетающего ворона, и порыв ветра бросил ему в лицо седую прядь мелкого снега.

Глубоко вдохнув, Браги Скальд прижал ладони к лицу и потер, пытаясь избавиться от давящего чувства бездны. Но и с закрытыми глазами он продолжал ясно видеть красное яблоко – обещанный ему источник вечности. За ним стояло нечто большее, чем просто долгая жизнь в Ограде Богов. И об этом Один тоже знал. Чтобы достичь когда-нибудь обещанной награды, Браги Скальду предстояло обеспечить Одину выигрыш, не проиграв самому. Но этому Один не станет противиться. Он любит необычные решения и охотно посмотрит, как Браги Скальд будет изворачиваться на этот раз.

Помотав головой, Браги вернулся к своему коню, поднялся в седло и тронулся дальше. Его слуга, Фульдар, все это время простоявший неподвижно, будто заснув на ходу, поехал за ним – для него не было ни задержки, ни встречи, ни беседы. Бог Воронов мог появиться на пути Браги Скальда когда угодно, но показывался только ему.

Быть человеком Одина – почетно, иногда полезно, но всегда очень трудно. Человек Одина тащит в душе огромную силу, как тяжелый камень в ветхом мешке. И никогда не знает – будет ли за это какая-нибудь награда, хотя бы в виде посмертной славы, или его ждет поражение и забвение. Справедливости Один никому не обещал, и не случайно одно из его имен – Гиннар, то есть Обманщик. Но делать нечего: он избирает людей по своей воле, никого не спрашивая.

Но даже если тебе не предоставлен выбор пути, всегда есть выбор, насколько достойно ты его пройдешь. Браги Скальд был достаточно мудр, чтобы это понимать.

Часть первая Йольский вепрь

Прядь 1

В начале той же зимы

Всю правду Хальвдан узнал, когда ему было восемнадцать лет. Они с матерью, королевой Асой, жили в Агдире, их наследственном владении, где когда-то правил отец Асы, Харальд Рыжая Борода. Никого из родных, кроме матери, Хальвдан никогда не видел и знал только, что в Восточном краю у него имеется сводный брат Олав, старше лет на двадцать. Но и того Хальвдан никогда не встречал: сыновья покойного Гудрёда Охотника не ездили друг к другу в гости. К этой обособленности Хальвдан привык с детства – сколько он себя помнил, они всегда жили вдвоем с матерью, – и даже став взрослым, не задавал вопроса: а почему так?

К восемнадцатилетию Хальвдана королева Аса приурочила важное событие: возведение его на престол. Семнадцать лет она самолично правила во владениях своего покойного отца и управлялась не хуже мужчины, но теперь сын повзрослел и мог служить опорой матери и земле. Хальвдан родился в пору сбора урожая, и праздник Зимних Ночей² в этот раз королева Аса собиралась отметить особенно пышно. Еще на пирах Середины Лета она сообщила о предстоящем событии, и к первому полнолуннию после осеннего равноденствия в старую Харальдову усадьбу Кунгсхольм на острове Тромё собрались чуть ли не все хольды³ обширного фюлька⁴ Агдир, самого южного на морских путях.

С наступлением ранней осенней темноты громко запели рога, созывая гостей к столам. К пиру в конунговой усадьбе наварили пива и меда, зарезали несколько быков, свиней и баранов. Большой медовый зал⁵ Кунгсхольма сиял множеством огней – в наивозможно большем количестве их зажигают в эти ночи, чтобы отогнать торжествующую тьму. Пылало пламя в очагах, горели факелы на стенах и резных столбах, подпиравших высокую кровлю. Над главным, самым длинным очагом, висели большие котлы с вареным мясом, на другом пеклись над углями части мясных туш и там же служанки непрерывно выпекали на сковородах плоские лепешки из смеси овсяной, ржаной, гороховой, пшеничной муки, с добавлением молотых орехов и трав. Лепешки на больших блюдах разносили по столам, горячими выдавали каждому гостю, чтобы он мог класть на нее полученный кусок мяса. С этим мясом каждый получит часть общей удачи на весь предстоящий год, и гости ждали с особым волнением: сегодня удачу между ними впервые будет распределять новый молодой конунг.

Ближе к середине палаты сажали людей знатных и состоятельных, одетых в крашенные одежды с ног до головы. Чем ближе к краям, тем меньше крашенных одежд было на гостях: у кого только рубаха, у кого только накидка, только пояс или обмотки. На самых дальних местах сидели бедняки в серых и бурых одеяниях некрашеной шерсти. Столы, насыщенные яркими красками вблизи очага, по мере удаления от середины постепенно выцветали до оттен-

---

² Зимние Ночи – праздник начала зимней половины года, вторая половина октября. (Здесь и далее примечания автора.)

³ Хольды – независимые владельцы земельного надела.

⁴ Фюльки – исторические области Норвегии, частично существуют до сих пор.

⁵ Медовый зал – просторное высокое здание для ритуальных пиров.

ков голого камня и земли, олицетворяя движение жизни от летнего буйного расцвета к убожеству зимы.

Занимая места, люди поглядывали на высокое сиденье в середине длинной скамьи, что смотрело прямо на большой очаг и само освещалось его пламенем. Сиденье, покрытое искусной резьбой, пока оставалось пустым, и эта пустота казалась выразительной, ждущей.

Хальвдан, в рубахе красной шерсти, отделанной вышитыми синим и зеленым полосами шелка, сам встречал гостей, приветствовал и указывал места. Гости смотрели на сына Асы с одобрением: его оживленное лицо, дружелюбные повадки обещали Агдиру доброго и справедливого властителя. Хальвдан был среднего роста, не поражал мощью, но был хорошо сложен, а только что прошедший оружейный смотр и состязания показали его ловкость, силу и упорство. От матери он унаследовал черные волосы, однако Аса, хоть и не красавица, была более миловидна и даже сейчас, под сорок лет, еще выглядела недурно и сохранила почти все зубы. У Хальвдана же, при довольно правильных чертах, в лице выделялся очень высокий лоб и крупный прямой нос. В соединении с черными волосами и синевато-серыми глазами этот нос наводил на мысль о черном вороне в грозовом небе – посланце Одина.

Сегодня, зная, что жизнь подошла к важному повороту, Хальвдан был оживлен, и сквозь его воодушевление сквозило тайное волнение.

– Здравствуй, Ингеберт! Что скажешь хорошего? – раздавался в передней части дома его веселый голос. – Кольфинн, привет тебе! Хороши ли ваши новости? Ярнгрим, всю семью привел, вот хорошо! Ну, Эрленд, о чем нынче поется?

Ему отвечали со смехом, поздравляли с хорошим урожаем. Прожив в Агдире всю жизнь с годовалого возраста, Хальвдан знал всех хольдов и их семьи. Только однажды он невольно запнулся, увидев перед собой очередную гостью. Рослая – выше его – плечистая, но худощавая женщина была ровесницей его матери. Длинное лицо он не назвал бы красивым, а глаза оказались вдвое больше обычных, так что Хальвдан от неожиданности отшатнулся. Сразу понял: это женщина непростая, и удивился, почему ее не знает. Однако уже второй взгляд на нее дал ему ответ на незаданный вопрос. Поверх белой и серой шерстяной одежды на гостье был синий плащ, подбитый кунницей, из светлого куньего меха были ее рукавицы, а в руках она держала посох с надетым на навершие прясленем, вырезанным из ледяного хрусталя. Она была будто госпожа зимы, снеговая туча, способная сеять ледяное зерно града. При виде ее Хальвдану невольно вспомнилось:

Пока не явились три вещицы девы,
Из земли исполинов могучие гости⁶...

– Хэй, привет тебе! – Хальвдан все же окинул ее выразительным взглядом, намекая, что не знает имени, чтобы обратиться. – Каковы твои новости, добрая женщина?

– Имя мое Исвильд, а прозвание – Зимняя Дева, – дружелюбно ответила гостья; она смотрела на Хальвдана так, будто его знает, но этому он не удивился. – Новости у меня есть, но сообщу я их позже, если тебе угодно.

Хальвдан почти не переменился в лице, когда женщина зрелых лет назвала себя девой; снова вспомнил тех «дев», что сидят у Источника Урд. Он кивнул, удовлетворенный этим объяснением, и велел служанке проводить Исвильд к состоятельным хозяйкам на женской поперечной скамье, как того требуют ее лета и мудрость.

Палата заполнялась людьми, гости рассаживались, сдвигаясь все теснее, чтобы всем хватило места. Над скамьями, по всей длине палаты, висели на стенах тканые ковры. Красные, белые, желтые, зеленые, коричневые нити сплетались в узор, изображавший весь мир земной

---

⁶ То есть три норны, устроительницы судеб. Из «Прорицания провидицы», перевод Софьи Свириденко.

и небесный: битвы богов с чудовищами, торжественные шествиями с пешими копьеносцами, всадниками и повозками на огромных колесах, с валькириями в нарядных уборах, что подносят рог павшим героям, прибывшим в Валгаллу... Все это была работа самой королевы Асы за много лет: она отличалась во всех рукоделиях и особенно искусно ткала ковры.

Снова запели рога, призывая к вниманию, шум стал стихать. Появилась королева Аса, и все взгляды устремились к ней. Она была одета во все оттенки голубого и синего, и только позолоченные, с серебряными узорами застежки на груди блестели, как два продолговатых солнца.

– Славьтесь, асы и асиньи! – провозгласила Аса. – Славьтесь, ваны и альвы! Сегодня, когда лето уходит прочь, уступая место зиме, у нас происходит более радостная перемена: я, старая женщина, уступаю власть над отцовской землей моему единственному сыну Хальвдану, и отныне он, молодой конунг, будет править тобою, Агдир!

Вся толпа гостей отозвалась дружным приветственным криком – пламя факелов заколебалось, сам медовый зал, казалось, содрогнулся на своих толстых столбах, а вытканые на коврах фигурки богов и героев дрогнули, готовые двинуться в путь.

Дав людям выразить свою радость, человек лет сорока, в вышитой зеленой рубахе, стоявший возле Асы, замахал руками. Это был Эльвир по прозвищу Умный – воспитатель Хальвдана, с пяти лет заменивший ему отца, – мужчина выше среднего роста, худощавый, с крупными чертами продолговатого лица, высоким лбом, на который мыском спускались светлые, слегка рыжеватые волнистые волосы. Волосы, спадавшие на грудь, были, пожалуй, самым красивым в его заурядной внешности, но умные, живые глаза и широкая улыбка восполняли недостаток красоты.

– Подожди, подожди, госпожа, так дела не делаются! – весело заговорил он, и народ притих в ожидании. – Мы все рады, что твой сын, а мой воспитанник Хальвдан уже взрослый мужчина...

– Жениться пора! – крикнули от женской скамьи.

– Но прежде чем возвести его на престол конунгов Агдира, древнего рода Хильд... ой! – Эльвир сам запечатал себе рот. – Что я такое говорю! Пусть-ка он сам расскажет, каков его род! И если он его не знает, то не бывать ему нашим конунгом!

– А вот и посмотрим, чему ты его выучил! – крикнул мужской голос из толпы богатых хольдов, и Эльвир сделал знак: дескать, не волнуйтесь, все будет!

Хальвдан подошел и встал перед пустым сиденьем конунга; Аса стояла слева от него, Эльвир – справа. В показном смущении Хальвдан провел рукой по высокому лбу, пригладил длинные черные волосы, но в глазах его светилась уверенность.

– Надо рассказать... – начал он с притворным волнением, но тут осознал, что наступает одно из важнейших мгновений его жизни, и глубоко вздохнул уже от волнения истинного. – В начале времен жил человек по имени Форн-Йотун... Ну, это говорят, что человек, но на деле-то это был Древний Йотун, из рода, чья древность превышает человеческой. Йотуны владели нашими краями до самой Лапландии еще до того, как Один привел сюда асов и заключил союз с ванами, и правили мудрейшие из них. У Форн-Йотуна было три сына: Хлер правил морем, Логи – огнем, а Кари – ветрами. У Кари был сын Ёкуль, у Ёкуля был сын Снэр, а у Снэра – сын Торри. Торри был великий конунг, он правил готами, квеннами и финнами. У конунга Торри было двое сыновей: Нор и Гор. Рассказывают о том, как они искали свою сестру Гои, похищенную другим великаном, Хрольвом из Горы, но мы сейчас не об этом. У Нора был сын Раум, и владел он королевством таким обширным, что ни одна река не могла из него вытечь. Женился он на Бергдис, дочери йотуна Трюма. У Раума от нее было три сына: Бьёрн – он же Йотунбьёрн, – Бранд и Альв. У Йотунбьёрна был сын, тоже Раум, а у него – сын Хринг...

Гости напряженно слушали перечень потомков древних великанов, чья цепь кончалась у ступеней вот этого резного престола. От поколения к поколению сила йотунов будто сжима-

лась, чтобы наконец уместиться в теле Хальвдана сына Асы, а его темные волосы указывали на родство со стихией земли и камня.

– Хринг же был отцом Хальвдана Старого, отца девяти сыновей. Одного из этих сыновей звали Хильдир. Его потомками были Хильдибранд, Вигбранд, Хербранд, а потом Харальд Рыжебородый – мой дед. Он имел двоих детей: сына Гюрда и дочь Асу. Аса – моя мать, величайшая из женщин. Дядя мой Гюрд погиб молодым и не оставил никакого потомства. Я, Хальвдан, единственный сын Асы и единственный внук Харальда конунга. Сегодня, перед людьми Агдира, перед асами и ванами, перед альвами и дисами, я заявляю мое право на престол моих предков Хильдингов.

При последних словах ровный, даже напевный голос Хальвдана окреп и приобрел повелительную требовательность. Всякому стало ясно, что хоть он и молод, еще не носит бороды, что в теле его еще видны остатки юношеской нескладности, что ему только предстоит нажать крупные мышцы на своих крепких костях – по духу это уже мужчина, осознающий свое место в девяти мирах. Его древний род вырос из самых глубин этой земли, и хотя Хальвдан был не выше среднего роста, сейчас каждый ясно увидел в нем прямого потомка великанов – племени более древнего, чем люди и даже чем боги. По этой прямой цепи он унаследовал и силу, и мудрость первых жителей Среднего Мира, и способность нести своему народу благополучие.

– Если кто-то знает потомка моего деда по мужской линии, пусть объявит.

В голосе Хальвдана прозвучал вызов, но сердце слегка оборвалось. Никогда нельзя поручиться, что у твоего деда или дядя не было побочных сыновей, доселе никому неизвестных, но если будет воля богов – они выскочат, как из мешка.

О том же думали все в медовом зале, и какие-то мгновения стояла тишина.

Потом все разом закричали, подтверждая притязания Хальвдана. Королева Аса подошла к сыну и подала ему большой рог, окованный по краю позолоченным серебром. Хальвдан принял его, плеснул в очаг, потом отпил и вернул матери. Эльвир поднес главное сокровище рода – золотую гривну из трех обручей. Это украшение не простое – оно служит знаком связи конунга с богами, его права исполнять священные обязанности, и только конунг надевает его на главные годовые жертвоприношения. Когда обязанности конунга Агдира исполняла Аса, она не надевала гривну, а Эльвир держал ее возле королевы как знак присутствия удачи рода, ожидающей нового полноправного носителя. Теперь Аса возложила ее на грудь Хальвдана, и золотые обручи засияли в свете огня, словно возрожденное солнце. Хальвдан поднялся по ступеням, чтобы сесть на место своего деда и прадеда. Крики усилились: с черными волосами и ярко блестящими глазами, в красной вышитой рубахе, с золотой гривной на груди, Хальвдан, одетый отблесками пламени, вознесенный над толпой, был словно юный великан, взошедший на божественный престол. Тот же путь проделал и сам Один.

Но вот шум понемногу стих – все ждали, что новый конунг Агдира поднимет первую в его жизни круговую чашу. Вдруг от женской скамьи к нему приблизилась гостья, которую никто не знал, – в сером платье и синем плаще. На вершине ее посоха тускло блестел хрустальный шар прясленя, что самому посоху придавало сходство и сродство с огромным веретеном.

– Погоди немного, Хальвдан конунг! – окликнула она.

В душе Хальвдана прокатилась волна удовольствия – впервые в жизни он услышал свое имя с прибавкой «конунг». Обернувшись на этот лестный призыв, он узнал свою гостью – Исвильд Зимнюю Деву.

– Прежде чем ты произнесешь первый в твоей жизни обет, послушай меня... – начала она.

Но ее прервал раздавшийся рядом возглас – изумленный и негодующий. Королева Аса метнулась вперед и остановилась перед Исвильд.

– Ты! – воскликнула она с таким изумлением, недоверием, будто в медовый зал вдруг спустилась сама луна. – Это ты! Не может быть! Глаза меня обманывают! Как ты сюда попала? Как ты посмела...

– Вижу, ты узнала меня, Аса Честолюбивая, – спокойно кивнула Исвильд.

– Еще бы я не узнала тебя – ту, что принесла мне проклятье... изломавшее всю мою жизнь! Откуда ты взялась столько лет спустя, из какого мешка тебя тролли вытряхнули?

– Помнишь ли, сколько лет мы не виделись? Я пришла на тот пир Зимних Ночей, когда тебе, Аса, исполнилось восемнадцать лет. А теперь...

Исвильд взглянула в сторону, Аса проследила за ее взглядом, и недоверчивое, неприятное изумление на ее лице сменилось яростным гневом. Она шагнул вперед, будто хотела своими руками оттолкнуть Исвильд прочь, но та поставила между ними свой посох с хрустальным прясленом на конце, и Аса сдержала порыв.

– Матушка, ты ее знаешь? – Хальвдан только сейчас опомнился и подал голос. – Это Исвильд, по прозвищу Зимняя Дева...

– Зимняя Дева! Как бы не так! Зимняя Ведьма – вот она кто! – Аса уперла руки в бока, словно намеревалась не пустить гостью дальше ни на шаг. – Да кто тебя сюда впустил, отродье троллей?

– Это я ее впустил! – Хальвдан торопливо сошел с престола и встал между матерью и гостьей.

Королева Аса не отличалась робостью, и, обладая сильной волей, не всегда считала нужным сдерживать свои чувства.

– Это моя гостья, матушка! Почему ты так гневаешься? Чем она успела тебе не угодить? Я, признаться, вижу ее в первый раз!

– И неудивительно, – благожелательно кивнула ему гостья. – В прошлый раз я приходила за год до твоего рождения, Хальвдан конунг.

Хальвдан слегка переменялся в лице, ощущая внутреннюю дрожь. По облику Исвильд он видел, что к нему на пир явилась не простая женщина, а сейдкона – «всеискусная жена», умеющая говорить с духами, делать предсказания судьбы, приносить смертным волю богов. Как человек воспитанный и сведущий, он понимал: такие гости требуют уважительного обращения. Но волнение матери, упоминание о празднике за год до рождения самого Хальвдана – все это указывало не на простую сейдкону, а на женщину, тесно связанную с судьбами рода. Время для появления таких гостей самое подходящее, да и повод тоже. Тревожное волнение все сильнее овладевало Хальвданом. Такие гости не приходят просто поесть лепешек и мяса. Их появление несет перемены в судьбе – и не всегда радостные, а уж хлопот и трудов сулящие...

– Лучше бы ты вовсе *не* приходила! – с горячим негодованием воскликнула Аса, не давая сыну времени обдумать все это. – Чем явилась незваной и принесла мне проклятье!

– Да нет же! – Исвильд удивилась столь несправедливому обвинению. – Я пыталась тебя предостеречь!

– Ты предрекла мне несчастье!

– Я хотела его предотвратить, сколько возможно! Я сказала, что скоро к тебе посватается один знатный и прославленный жених, и хотя он не слишком придется тебе по сердцу, лучше принять его сватовство. Я предупредила: отказ ему грозит тебе и твоему отцу большими бедами, но не избавит от нежеланной участи. Но ты, Аса, не слишком изменилась за эти девятнадцать лет – какой ты была честолюбивой, своевольной и упрямой, такой, я вижу, осталась и сейчас. Ты предпочла бросить вызов судьбе, хотя и знала, что одолеть ее не могут даже боги! И чего ты этим добилась? Твой отец за твое упрямство заплатил жизнью, а ты все равно оказалась женой Гудрёда Охотника. Не лучше ли было добром покориться, так хотя бы наш старый Харальд конунг и твой брат Гюрд остались бы живы!

В медовом зале стояла тишина, сотни гостей напряженно вслушивались в разговор двух женщин, одетых в синее, – словно две норны спорили у источника о судьбах знатных родов. Но никто не ловил каждое слово так жадно, как Хальвдан. Речь шла о той части жизни матери, о которой он ничего не знал и которая привела к его появлению на свет.

– Нет! – выразительно, с гордостью и даже с ехидством возразила Аса. – Прими я то сватовство – быть может, и я сейчас была бы женой Гудрёда Охотника! Все эти долгие двадцать лет без одного года! На что я стала бы жаловаться, если бы согласилась добровольно? Он убил моего отца и брата, он захватил меня силой и тем дал мне законное право на месть! Недолго он торжествовал надо мной – и двух зим не прошло, как я отомстила ему. Он был убит внезапно, убит рабом, принял позорную смерть, как и многие его предки-Инглинги, а мне то принесло великую славу и свободу! Он хотел пленить меня – но дал мне право распоряжаться собой и своим наследием. И никто не посмел оспорить мое право! Его сын Олав и прочая их жалкая родня не посмела помешать мне забрать мое приданое, сына и вернуться домой. Я была молодой одинокой женщиной, всего-то двадцати лет от роду, с годовалым ребенком, но никто больше не посмел посягнуть на мое владение. Любой из этих напыщенных храбрецов знал, что его ждет, если он попытается подчинить меня силой. Скажешь, я не одолела судьбу?

– Всего лишь ценой жизни твоего отца и брата, – тоном насмешливой похвалы ответила Исвильд.

– Мой отец и брат пали в сражении, с оружием в руках, и сразу вошли в палаты Одина. Никакой иной судьбы они не желали себе, и я им тоже. Гудрёд незаконно пленил и обесчестил меня, а я законно возвратила себе честь и свободу! Пусть теперь гордится своей былой силой, сидя на коленях у Хель, ведь в Валгаллу ему не попасть.

– Так за что же ты злишься на меня теперь, если все вышло по твоей воле?

Аса хотела ответить, но запнулась и переменялась в лице. Торжество сменилось тревогой. Она взглянула за Хальвдана – и встретила изумленный, потрясенный, растерянный взгляд.

– Мм... М-матушка... – пробормотал Хальвдан, едва одолевая чувство, что все это сон. – Что она... что ты говоришь? Ты мстила... кому? Моему... о...

Хальвдан сглотнул, не в силах выговорить простое слово «отец». Простое для других, но иное дело – для тех, кому никогда не приходилось обращаться к собственному отцу. Он знал, разумеется, что мать родила его в браке с Гудрёдом Охотником, конунгом Вестфольда, что там, в Вестфольде, он и родился, но мать овдовела всего через год после этого и вернулась домой вместе с ним. В Вестфольде остался править Олав, сын Гудрёда от первого брака, на двадцать лет старше, что вполне объясняло этот отъезд. Хальвдан привык считать, что его доля – наследие материнского рода, не имеющего других продолжателей. В молодости у Асы был брат, Гюрд, но тоже давно умер...

Аса повернулась к Хальвдану и вызывающе сложила руки на груди.

– Ну что же, пора тебе узнать правду – сюда все и катится! Гудрёд Охотник сватался ко мне в ту зиму, когда мне исполнилось восемнадцать. Он был лет на тридцать меня старше, седой, морщинистый и с сизым шрамом возле глаза. Страшилище! Чудовище! Да неужели я, молодая девушка, должна была его полюбить? За что? За то, что он дал себе труд после смерти первой жены избрать меня? Если бы он хоть попытался завоевать *мою любовь*! Женщины, скажу я тебе, не так уж и падки на молодость и красоту, как иные думают – подойди он ко мне с добротой и уважением, может, дело бы и сладилось. Но он, как дракон, умел добиваться своего только силой. Однажды зимней ночью он явился сюда с целым войском. Ночью! Не побоялся позора убивать в темноте, как бесчестное чудовище! Мой отец и брат вышли на бой, но людей у них было мало. Они оба погибли, кровь их пролилась на мерзлую землю двора, где они тысячу раз проходили живыми. Жаль, я не узнала об этом вовремя, чтобы успеть поджечь этот дом. Люди Гудрёда ворвались сюда, он захватил меня и все наше имущество. Я была сломлена поначалу... я ведь была еще очень молода. И я сразу понесла. Но потом, родив тебя,

я укрепила духом и сказала себе: мой сын не будет терпеть позор, что его мать взяли силой, будто рабыню, а она не отомстила. Я отомстила. Я нашла человека, который нанес Гудрёду удар, когда тот не ждал. Смерть моих родичей, мое бесчестье – все это было смыто его кровью. Я сделала это для отца, для Гюрда, для себя и для тебя. И мне не стыдно смотреть в лицо хоть людям, хоть богам, хоть нашим покойным родичам.

Хальвдан слушал, поневоле вытаращив глаза, и казалось, пол под ним проваливается и он погружается в черную тину. Но каждое новое слово матери было опорой, протянутой жердью, за которую он хватался и которая удерживала его на свету. Он не мог утонуть, пока не узнает все до конца.

Так вот почему у них с матерью нет никакой родни. Отец убил деда и дядю по матери, а мать подготовила его убийство...

Потрясение холодной водой заструилось по телу Хальвдана, вызывая дрожь. Три убийства среди ближайших родичей, связанных в причудливый «узел мертвых»... И ему никак не отделаться от этого кровавого узла, он к нему подвязан с младенчества.

– А если бы я не пришла, ты так и не рассказала бы ему об этом? – Исвильд кивнула на Хальвдана. – Он уже достаточно взрослый, чтобы знать, как сплелись нити его родовой судьбы. Предвидеть, в какой узор они могут сложиться в дальнейшем. Это ведь полезно для того, кто намерен прожить долго.

– Для *этого* ты пришла? – Аса ответила сеид-коне вызывающим взглядом. – Я рассказала бы и без тебя. В одном ты права – он уже достаточно взрослый!

– Тогда почему ты мне так не обрадовалась?

– Я не хочу... и не позволю, чтобы сегодня, когда мой сын встает на владения деда, ты изрекла еще какое-нибудь пророчество вроде прежнего!

– А ты, – Исвильд перевела взгляд на Хальвдана, – тоже этого не хочешь? Ты пожалел о том, что по неведению пригласил меня в дом?

– Нет! – Передернув плечами, Хальвдан постарался овладеть собой. Он пробыл конунгом совсем чуть-чуть, но знал, какое поведение подобает на этом месте. – Я не откажу в приеме никаким гостям на эту священную ночь... особенно тем, кто принесет мне судьбу. Ведь самой судьбы не избежать, и глупо закрывать дверь перед ее посланцами!

– Так ты хочешь узнать, что тебя ждет?

– Да. Хочу. Моя мать не побоялась услышать предсказание, пусть даже вести были недобрыми. А я уже не ребенок... я в тех же годах, что и она тогда, и я – мужчина.

– Ты отважен, пока не встречался с настоящими испытаниями... и настоящими страхами, – ответила Исвильд, в голосе ее звучало и одобрение, и сочувствие. – Но ты хотя бы знаешь свой долг. Я дам тебе предсказание... но не сейчас. Когда наступит Йоль, приходи на курган твоего деда – там мы снова встретимся с тобой. Согласен?

– Да. Согласен. Благодарю тебя.

– А теперь, – Исвильд посмотрела на Асу, – если ты желаешь, королева, я могу уйти.

– Нет. – Хальвдан не дал матери ответить. – Ты пришла ко мне, я пригласил тебя в дом и не отправлю прочь без угощения. Садись за стол, госпожа Исвильд. Сейчас подадут мясо, пиво, мед, все, что наготовили. Угощайся и веселись, как все честные гости, а час судьбы придет в свой срок.

Исвильд улыбнулась ему с такой радостью, что Хальвдан почувствовал себя польщенным – как хозяин дома и как мужчина, хоть она и годилась ему в матери.

– Ну уж одно предсказание я сделаю и сейчас в благодарность за твои добрые слова. Ты станешь правителем отважным и умным, правдивым, справедливым и великодушным – такова будет твоя слава. Ни при ком не будет таких урожайных годов, как при тебе, и любовь народа к тебе будет так велика, что несколько фюльков будут спорить за право похоронить тебя на их земле. Дальнейшее же ты узнаешь... по пути.

Она смолкла, и народ в палате, немного помедлив в недоумении, радостно закричал. Люди слышали страшные вести, но потом к ним снизошла от Источника Урд верная надежда – на справедливое правление, на добрые урожаи.

Хальвдан сам проводил Исвильд за стол, а потом вернулся на престол конунга и снова взял рог с медом.

– Теперь я должен дать первый обет с этого места, откуда обеты давали мои предки, – начал он, и люди стихли. В голосе его еще слышалось потрясение от недавно услышанного, но и решимость со всем этим справиться. – Благодарю госпожу Исвильд, теперь я знаю, о чем хочу сказать. Пока что мне неизвестно, как сложится моя жизнь и судьба... Но я даю обет: буду я женат один раз или больше, как мой отец, к кому бы из дочерей конунгов мне ни привелось свататься – никогда я не стану силой отнимать дочь у отца, а девушку принуждать к браку против ее воли. Только через обоюдное желание пусть будет продолжен мой род. В том я клянусь именем Фрейи и ее прошу о помощи!

Он поднял рог к кровле, плеснул в очаг и отпил. Гости закричали, у женщин блестели слезы на глазах от сердечного волнения. И каждая, даже те, что преклонных лет, жалели в эти мгновения, что не им суждено быть той знатной красавицей, которая когда-нибудь вручит ему свою любовь.

Прядь 2

На следующее утро Исвильд Зимняя Дева ушла так рано, что никто в доме еще не проснулся. Хальвдан больше ее не видел. Королева Аса была недовольна и нередко раздражалась бессвязными упреками, сетовала, что тролли откуда-то принесли Исвильд после стольких лет покоя. Хальвдан понимал – это длинная сага, но не решился бы расспрашивать мать о неприятном ей. Эльвир Умный посматривал на нее с пониманием, но молчал, и Хальвдан сдерживал недостойное мужчины любопытство. Но постепенно Аса, привыкшая всем делиться с сыном как с единственным близким человеком, кое-что ему рассказала.

– Исвильд – дочь моего старого воспитателя, – сказала она, еще раз удивив Хальвдана: сам он был весьма дружен с детьми Эльвира и они почти постоянно его сопровождали. – Старика Бодди. Ты его не знал, он умер еще до моего... замужества. Тогда ее звали просто Иса Глазастая. Видал, какие у нее глазищи – ни с кем не спутаешь. Потому я ее сразу узнала, хоть и не видела двадцать лет. У Бодди еще был сын, Браги. Он ко мне... был равнодушен. Ну еще бы – мы же с детства столько времени проводили вместе.

Хальвдан озадаченно кивнул. Он хорошо представлял мать в возрасте лет шестнадцати: должно быть, это была невысокая, бойкая, с живыми темными глазами девушка, проворная, как свартальв, самоуверенная и немного надменная. Едва ли ее считали красавицей, но что она могла впиться в сердце, как рыболовный крюк с зазубриной, – это несомненно.

– Очень даже понимаю, – сказал он. – В тебя еще как можно было влюбиться.

– Но ему было не на что надеяться, ты же понимаешь. Даже не появись здесь этот чудовище... то есть Гудрёд, потомки Форн-Йотуна, да и Инглинги, так расплодились, что в разных фюльках для меня нашлись бы десятки женихов равного с мной рода. А я была не так глупа, чтобы утешаться «лживыми сагами», как сын старика и старухи совершит великие подвиги и получит дочь конунга в жены. А Исвильд считала, будто я его завлекаю! Ха! – Аса хлопнула себя по колену. – Очень надо! Он сам с меня глаз не сводил. Он с отрочества все баловался стихами, и люди стали поговаривать, как бы он меня не приворожил. Отец забеспокоился и велел Браги убираться. Тот уехал на запад и там поступил к какому-то «морскому конунгу» в дружину. Это было года за полтора до того, как... ну, тех Зимний Ночей. И ему это все пошло на пользу: он с тех пор прославился как скальд, говорят, всякий большой праздник проводит не менее как у конунга. Какого-нибудь. Но здесь он больше ни разу не был. На другую же зиму умер старый Бодди, а Исвильд ушла из наших краев. Она и до того все бегала к Домхильд, была у нас такая ворожейка. А потом, говорят, убралась жить к Троллевой роще, там селились такие, как она. Здесь не показывалась, я и забыла о ней.

Аса нахохлилась: Хальвдан видел, что воспоминания неприятно ее тревожат, но молчал.

– А когда она однажды явилась незваной – вот, как в этот раз! – и у нее уже был этот хрустальный пряслень, дескать, она теперь настоящая сейд-кона и знает будущее. Когда она мне все это выложила, я подумала, она просто затаила на меня злобу и хочет напугать.

– Ты не поверила?

– Нет. А даже если бы и поверила! – запальчиво воскликнула Аса, спустя столько лет продолжая спорить с судьбой. – Я в тот раз сказала правду: я бы не смирилась! Не покорилась бы! И отец мой тоже! Ты его не знал, а жаль: это был великолепный упрямый старый йотун! Он во всем поддержал меня. Сказал, что он не раб и дочь его не рабыня, чтобы ложиться под господина, который пожелает за нее заплатить. И я доказала, что мы, Хильдинги с Тромё – не рабы и не трусы. Гудрёд отправил в Валгаллу моего отца и брата, но сам попал в Хель. Там ему и место! – с торжеством закончила Аса.

Хальвдан промолчал, подавив вздох: уж слишком много важных для матери людей он не знал. Он понимал ее, но сам не мог с такой же легкостью послать в Хель своего собственного отца.

– И ты пойдешь на курган, как она сказала, чтобы встретиться с ней? – с неудовольствием, в котором Хальвдану послышалась ревность, спросила Аса. – На Йоль?

– Конечно, пойду. Я же дал слово. И мне ведь нужно знать *мое* будущее.

– Как знаешь... конунг, – проворчала Аса.

Передав сыну власть, она утратила право что-то ему запрещать. Да и хватало ума понять: ее отвага с рождения наложила на Хальвдана кровавые пути, и отпускать его в жизнь с завязанными глазами – очень дурная услуга. Все эти годы Аса гордилась тем, как одолела злую судьбу и обрела славу, но только теперь, когда сын вылетел из-под ее крыла и обрел собственную судьбу и удачу, испугалась: не слишком ли тяжелым наследством она его наделила?

– Но что бы ты там от нее ни услышал, – добавил Аса, – вспомни меня и пойми. Каков бы ни был норн приговор – он определяет только условия и вызовы, с которыми ты столкнешься. Как ты примешь эти вызовы – решать тебе. Я могла сразу смириться с позором принуждения и принять от Гудрёда чашу с горьким свадебным пивом. А могла воспротивиться и опрокинуть эту чашу. Я так и сделала, прямо перед всеми его людьми! – похвасталась она. – Знаешь, что сделал этот подлец? Он велел подать новую чашу, сам отхлебнул, потом впился в меня и попытался из своего рта вылить это пиво мне в рот. Немного попало, я стала плевать, а все эти тролли ржали так, что чуть кровля не рухнула. Гудрёд орал, что если я не желаю заключать брак как полагается, то буду зваться рабыней конунга. И все же вручил мне башмаки Инглингов⁷ и «утренний дар». Вот это, – она показала руку с золотым витым браслетом, – и еще кое-что. Ему законный брак был нужен больше, чем мне. Ему был нужен ты! – Этой же рукой с браслетом Аса ткнула Хальвдана в грудь. – К тому времени у него оставался в живых только один ребенок от Альвхильд – Олав. Ему было уже двадцать или почти двадцать, он был миленький и белокурый, как девчонка, и такой же рохля и слизняк. Сам Гудрёд не надеялся, что из него вырастет великий герой. Они не ладили, Гудрёд все время над ним насмехался, и Олав ненавидел его не меньше, чем я. Гудрёд хотел других сыновей, получше. Потому так и впился в меня – понял, что *мои* сыновья будут наделены отвагой и сильной волей. Но я не дала ему порадоваться этим сыновьям. У меня есть сын, но он – только мой и больше ничей!

Аса замолчала, угрюмо глядя перед собой. У Хальвдана мелькнула мысль: не пожалела ли она, спустя время, когда поднабралась житейской мудрости, что сгоряча расправилась с мужем? Может, не так уж Гудрёд был и плох, но обязанность мести не оставляла ей выбора.

Так значит, отец, то есть Гудрёд, хотел видеть его на престоле Вестфольда! На том, где сейчас сидит незнакомый ему сводный брат Олав. С самого начала эта девятнадцатая зима одаривала Хальвдана одним открытием за другим, и каждое если не переворачивало для него мир, но очень сильно увеличивало. Какие-то дни, недели назад он в собственных глазах был только сыном Асы из Агдира – а теперь оказался еще и сыном Гудрёда из Вестфольда, и появилось чувство, будто он сам стал вдвое больше. И со второй половиной себя Хальвдану еще предстояло познакомиться.

Остров Тромёй – «остров Край» – лежит к югу от побережья Агдира, так близко, что кажется, какой-то великан в давние времена неудачно наступил на краешек берега и отломил его, как отламывают кусочек от сухой лепешки. Вытянутый с северо-востока на юго-запад, остров довольно велик: поперек – роздых⁸, вдоль – все два. Земля на острове каменистая, тут и там из травы и мха торчат серые валуны и скальные выступы, а меж ними пасутся козы и

---

⁷ Древний германский обычай принятия новой женщины в род путем обувания в особые родовые башмаки. Считается, что у каждой династии была своя модель, чему находят даже археологические подтверждения.

⁸ Роздых – древняя мера расстояния, 5–6 км.

овцы. Берега где-то отвесные, гладкого серо-бурого камня, а где-то пологие, усыпанные крупной галькой тех же серых и бурых цветов. Усадьба Кунгсхольм расположена довольно высоко, и оттуда хорошо видно гавань – Кунгсхавн – с кораблями и лодками, что через пролив переглядывается с коренным берегом. Неподалеку высится несколько курганов прежних конунгов – так, чтобы их было видно с моря и им было видно море. С детства Хальвдан часто бывал здесь: и мать, и Эльвир приводили его, держа за руку, и рассказывали те самые предания о потомках великана Раума, что лежат в этих земляных чертогах.

Курган деда, Харальда Рыжебородого, среди них был самым свежим. Он и Хальвдан были ровесниками – курган, а не дед. Об этом Хальвдан знал и раньше: ему было известно, что он родился вскоре после смерти деда, словно явился сменить его. Однажды, мальчиком, он даже спросил у матери, почему его не называли Харальдом, – ведь многие получают имя в честь деда, если тот уже умрет. Аса тогда не сразу ответила: смешалась, подумала, потом сказала, что он назван в честь более отдаленного предка – Хальвдана Старого, того, что имел девять сыновей, положивших начало девяти королевским родам. Теперь же Хальвдан сообразил: как видно, не Аса выбирала ему имя. Его нарек отец – незнакомый ему Гудрёд Охотник, в честь своего отца – Хальвдана Щедрого. Впрочем, и эта ветвь родословия все равно восходит к тому же Хальвдану Старому.

После праздника Зимних Ночей, что отмечает приход темной и холодной половины года, дни становились все короче. Пасмурное утро незаметно переходило в хмурый день, а потом сумерки густели, как будто тьма лишь ненадолго отлучалась проверить хозяйство и с удовольствием возвращалась туда, где чувствовала себя полной госпожой. На побережье Агдира не бывает столько снега, как в глубине страны, в горах. Если из прорех небесной серой перины и сыпался пух, то на мрачной каменистой земле ему не нравилось и он быстро таял, оставляя мир таким же полумертвым бродягой в серо-бурых обносках. Хорошо, что близ моря не случается таких холодов, как в горах, но уж больно здесь мрачно.

В усадьбе Кунгсхольм готовились к Йолю. Хальвдан ждал его с особенным нетерпением, с тревогой и волнением. Он и раньше во время жертвоприношений стоял возле матери – с тех пор как научился стоять на собственных ногах, – но теперь ему впервые предстояло самому, от своего имени, приносить жертвы за Агдир, и теперь уже от его удачи зависело благополучие всего народа в предстоящий год. Но вот удачлив ли он? Об этом он только в июльскую ночь и узнает. Никогда раньше Хальвдан не испытывал неуверенности в себе, однако за тот единственный вечер праздника Зимних Ночей он повзрослел и на себя прежнего смотрел как на мальчишку, которого больше нет. У того мальчишки все было просто, Хальвдан с трудом давил ростки зависти к нему. Теперь же он знал, что с самого рождения, даже до рождения попал в ловушку кровной вражды меж его же ближайшими родичами: матерью, дедом по матери и собственным его отцом. Как он смотрел бы на любую женщину, подославшую убийцу к его отцу? А эта женщина жила с ним в одном доме и была для него самым близким человеком. Матерью, королевой родного края, хозяйкой его дома.

– Как мне дальше жить с этим? – спросил Хальвдан однажды у Эльвира.

– Как раньше, – спокойно ответил тот. – Этих узоров уже не переменить. Гордись, какие сильные люди у тебя в родичах и какой тяжкий груз тебе пришлось нести с рождения. Готовься, что бывшее зло еще скажется.

– Но как?

– Это знают только норны. Твоя доблесть и честь в том, чтобы быть готовым. В июльскую ночь тебе нужно будет взять меч, взять воловью шкуру и расстелить ее на кургане старого конунга. Взять какое-нибудь угощение для норны. Сесть на шкуру и ждать. Норна придет и поговорит с тобой. Иные, я знаю, советуют для этого лезть на крышу дома, но это, я думаю, для тех...

– У кого рядом нет кургана их деда-конунга! – выкрикнул Бирнир, его младший сын.

Эльвир привычно замахнулся, будто хотел отвесить подзатыльник дерзкому юнцу, но по существу тот был прав. Если у тебя есть курган деда-конунга, то лучшего места для встречи с судьбой не сыскать.

– А для чего шкура?

– Вола приносят норнам в жертву, чтобы они захотели говорить.

– Значит, сначала на кургане нужно принести вола? Снять шкуру и сесть на нее?

– Целое дело! – проворчал Фрор, старший Эльвиров сын.

– А ты как думал – разговаривать с норнами! К ним сами боги ходят на поклон!

– Но разве можно норн убогаторить жертвой? – спросил Хальвдан у Эльвира. – Ведь никто, даже боги, не знают, почему норны решают так или иначе. Почему они решили, что старый Вагна утонет, запутавшись в собственной сети, а Тор погибнет в схватке с Мировым Змеем?

– Этого никто не знает, – просто ответил Эльвир. – Решения норн – в темной бездне непознанного, конунг. На этом кончаются знания людей, а может, и богов.

– И Одина? – с сомнением спросил Бирнир: он не верил, что Один чего-то не знает. – У него же *глаз!*

– Мы не знаем, что знает Один.

– И этого? – В голосе Бирнира слышалось пренебрежение к слабым возможностям человеческого познания.

– И этого. Но если бы норн можно было склонить к милости жертвами, но они...

– Давно лопнули бы от мяса волов и свиней!

– То всякий мог бы купить себе счастья, но счастья на всех в мире все равно не хватит.

– Не у всякого найдется лишний вол! – заметил Фрор. – Но и зачем тогда приносить им жертвы? Если это все равно ничего не изменит?

– А вдруг изменит? Норны – тоже женщины, они любят, когда с ними обращаются любезно.

– А для невежливого человека они могут вытряхнуть из рукавов парочку лишних несчастий, – добавил Хальвдан.

Он помолчал, задумавшись. Ему представлялось, как он скользит по тонкому льду извещенного над бездонной черной бездной непостижимого, и в этой черной глубине три норны тянут свои нити... на добро или на худо? Не узнать этого и никак не повлиять на их решения. Но как бы то ни было, если поступать достойно, то не в чем будет винить себя.

Медленно-медленно тянулись самые короткие дни года – между серым небом и бурой землей. Снег не ложился, часто шел дождь. Хальвдан тайком считал дни, следил за переменами луны, когда облака позволяли ее увидеть. «Страшно подумать, сколько времени *уже прошло* со времен великана Бури! – как-то сказал ему Эльвир, догадываясь о его чувствах. – То, что осталось до Йоля, просто жалкая капля...» «Из носа!» – подхватил Бирнир, и Хальвдан засмеялся.

Весть о событиях на пиру Зимних Ночей за первую половину зимы разошлись по Агдиру, и мудрая королева Аса ожидала в этот раз еще больше гостей, чем обычно. Все хольды захотят поучаствовать в первом жертвоприношении нового конунга, заполучить самый вкусный кусочек от первого дележа его удачи! «Ничего, как-нибудь мы это переживем! – говорила Аса. – Видел бы ты, сколько гостей собиралось сюда при моем отце!»

Пришла пора ставить хлеб и резать скот. Аса погрузилась в эти хлопоты, а Хальвдану предстояло другое дело: йольский вепрь. Эту задачу конунга Аса, женщина, выполнить никак не могла, и с двенадцати лет Хальвдан, с Эльвиром и другими мужчинами, за несколько дней до Йоля отправлялся в глубь страны, в леса, чтобы добыть самого большого вепря, какого удастся найти. На шкуре этого вепря, когда его разделают и зажарят, в йольскую ночь приносят клятвы – самые важные, такие, исполнение которых может стоить жизни. Хальвдан никогда еще этого

не делал – не было повода. Теперь же, как он подозревал, повод появится. Но даже это зависело от разговора с Исвильд Зимней Девой.

Взяв с собой десять человек – Эльвира с сыновьями и еще несколько умелых охотников, – Хальвдан пустился в глубь страны. Ехали верхом, сыновья Эльвира правили повозкой, на которой повезут домой добычу. Братьям было семнадцать и шестнадцать лет, и на саму охоту им было еще рано. Хальвдан в прежние годы лишь поддерживал бывалых ловцов своей «удачей конунга», но соваться к вепрям Аса ему строго запретила: а то, говорила она, вепрь принесет к себе в дом твою шкуру и на ней будет давать йольские обеты. Она была права: для схватки с крупным зверем один на один требуется сила зрелого мужчины, да и то не всякий выходит из такой схватки победителем. Однако Эльвир, понимая, что опыт не берется из ниоткуда, уже несколько лет как позволял Хальвдану выходить с копьем против подсвинков – равных соперников для подростка. В сказаниях юный вождь часто отличается доблестью на охоте и давит руками самых могучих зверей еще чуть ли не в детстве, но Хальвдан, помня, что у Агдира нет другой надежды, кроме него, проявлял благоразумие и не лез на рожон.

Чем дальше малая Хальвданова дружина удалялась от побережья, следуя на северо-запад, тем заметнее местность повышалась, снега делалось больше. К вечеру они очутились в невысоких, поросших редким смешанным лесом горам. Заночевали в знакомой усадьбе и провели вечер за толками с хозяином: где какая дичь нынче есть, где вепри ночуют, где кормятся. Хозяин, Велауг Йольский Ловец, каждый год принимал конунгову охоту и заранее выслеживал для нее дичь. Это был коренастый мужчина средних лет, с широким лицом, почти до глаз заросшим рыжеватой густой бородой. Его низкий лоб рассекали три глубокие морщины, из-за чего обветренная кожа напоминала древесную кору, а глаза желто-карего цвета – капли сохнувшей смолы.

– А молодым парням, – заметил хозяин, глядя на Фрора с Бирниром, а потом бегло взглянув и на Хальвдана, – я бы советовал в эти дни особенно остерегаться хюльдры.

– Мы хоть и молоды, однако не дети, – с важностью ответил Фрор. – Прибереги, добрый человек, твои сказки для внуков!

– Какие же это сказки! Да только вчера хюльдра подходила к самым нашим воротам! У нас все видели ее следы на снегу!

– И что это были за следы? – с любопытством спросил Хальвдан.

– Кабаньи копытца, а снег вокруг них слегка разметен – это кончик ее хвоста на ходу касается снега.

– Кабаньи! – воскликнул Бирнир. – Так это был просто кабанчик! Пришел понюхать, не пахнет ли у вас тут чем-нибудь вкусным.

– На двух ногах? – хмыкнул Велауг. – Это были следы двух ног на копытцах, понимаешь ты? И тянулись они не цепочкой, как у четвероногого, а как идут человеческие ноги. – Велауг прошелся двумя пальцами по столу. – Мне уже лет сорок, если не все шестьдесят, я всю жизнь охочусь, но ни разу не видел, чтобы кабан ходил на двух ногах!

Все засмеялись, вообразив это зрелище. Хальвдан усмехнулся: Велауг издавна любил разные охотничьи небылицы, теперь вот у него и кабан двуногий завелся.

В таких приятных разговорах прошел вечер, а утром ловцы, взяв с собой Велауга и пару его друзей, отправились в горы.

Прядь 3

– Вон они!

Хальвдан, имевший острое зрение, первым увидел добычу. На склоне горы напротив меж кустов двигалось кабанье стадо, четко видимое на белом снегу, – словно цепочка черных шариков, вереница черных бусин, которые кто-то тащит на нитке по белому полотну. День выдался удивительно ясный, снег лежал неглубокий – по шиколотку, сквозь него проступали серые скалы и бурая сухая листва, застрявшая на ветвях. Кабаны спускались по склону, один за другим, извилистой тропкой следуя за вожаком; на более пологих местах шли россыпью, обгоняя друг друга, то скрывались под ветвями, то снова появляясь на открытых клочках склона.

– Туда! – Велауг показал в сторону лощины, поросшей темными елями и голыми кустами.

Стадо шло в том направлении, и можно было, скрываясь за елями, незаметно выйти ему навстречу.

Велауг, Хальвдан, Эльвир и еще несколько человек были верхом. Свистнув собакам, Хальвдан поскакал к лощине – не забывая об осторожности, чтобы лошадь не споткнулась на заснеженных камнях. При нем было копье-рогатина, лук и на всякий случай меч – как конунгу, ему теперь везде полагалось ходить с мечом. За ним бежали три Велауговых пса – серый, черный и рыжий. Хальвдан слышал, что другие ловцы скачут за ним, и молился Уллю, богу охотников, чтобы кабаны не учуяли их слишком рано и не повернули прочь.

К этому времени кабаны уже должны были спуститься со склона в лощину, заросшую кустами и ельником. Выискивая безопасную дорогу, Хальвдан не мог одновременно следить за стадом, но думал, что у него еще есть время – как вдруг все стадо разом, плотной кучкой, выкатилось навстречу. Впереди мчался вожак – крупный вепрь, в глаза Хальвдану бросились загнутые клыки. Держа поводья левой рукой, Хальвдан копье взял в правую и зажал подмышкой, но кабан выскочил слева, и ударить его сразу Хальвдан не мог. Пока он разворачивал лошадь, вепрь тоже развернулся и кинулся прочь, в заросли. За ним живым бурым пятном помчалось и все стадо.

Хальвдан устремился следом. Заросли здесь были довольно редкими, и он не терял из вида два десятка прыгающих буро-черных щетинистых задов и забавно дергающихся на бегу хвостов с кисточкой. Три пса с лаем бежали за лошадей. Кое-где Хальвдану приходилось оглядывать препятствия, но след множества острых копыт был хорошо виден, и он не боялся его потерять. Иной раз кабаны спотыкались о камни под снегом, иные даже летели кувырком, вскидывая в воздух черные ноги, но поднимались и мчались дальше.

Мельком Хальвдан отметил, что его спутники быстро отстали: крики, которые он сначала слышал совсем рядом, затихли вдали. Но оглядываться было некогда – приходилось следить, чтобы лошадь не споткнулась. Так они обогнули гору, след углубился в более густые заросли. Хальвдан выехал на поляну – и вдруг крупное черное пятно метнулось прямо на него.

К этому он был не готов. Кабан может напасть на охотника, но только когда его догонишь. Чтобы кабан сел в засаду и ждал – о таком Хальвдан даже не слышал. Такое коварство присуще медведю, но кабаны для этого недостаточно умны. Хальвдан только успел дернуть поводья – а вепрь с размаху ударил лошадь огромными клыками в бок.

Охота на крупного зверя не зря считается опасной – даже сильный, опытный мужчина может погибнуть в противоборстве с кабаном. Ускользая от глядящей в глаза смерти, Хальвдан выпрыгнул из седла раньше, чем лошадь упала, – это его и спасло. Не успеет он отскочить – лошадь придавила бы его, и кабан расправился бы с ним одним ударом. Теперь умирающая лошадь билась на земле между Хальвданом и кабаном. Падая, он выпустил копье, прокатился по снегу, ушибся о скрытые под ним камни, но сильно не пострадал, а боли ушибов не замечал – не до того было. Сквозь предсмертное ржанье несчастной лошади прорывался яростный лай

собак, нападавших на вепря; отвлекая его, они давали Хальвдану доли надежды. Лук остался у седла, под рукой был только меч на плечевой перевязи. Поднимаясь на ноги, Хальвдан мельком увидел, как серый пес бросается на вепря, но тот бьет его клыками, и пес с последним визгом улетает прочь, орошая истоптанный снег кровью разорванного брюха. Выхватив меч, Хальвдан сделал шаг, обо что-то споткнулся – и тут же понял, что это древко рогатины.

Порывом бессловесного чувства благодаря богов и удачу, Хальвдан схватил полузарытое в снег древко. Рыжий пес лаял, прыгая перед кабаном, потом изловчился и, сжав в зубах ухо вепря, повис на нем. Черный вцепился в хвост. Вепрь замотал головой, пытаясь сбросить врага, и на миг потерял из вида Хальвдана.

Обеими руками крепко сжав древко, Хальвдан подскочил к зверю и решительным ударом вонзил длинное лезвие ему под лопатку. Сталкиваться с таким крупным кабаном ему раньше не приходилось, но десятки раз он под руководством Эльвира наносил удар по мешку, набитому соломой, – и теперь все прошло как надо. Вепрь завалился, обе собаки прыгнули от него в разные стороны. Хальвдан давил, навалившись на рогатину, не помня себя и еще не веря, что победил. Ему повезло, что псы остановили вепря – доведись ему бить навстречу бегущему, лесной кабан, да еще с разгона, снес бы Хальвдана, как сухой лист. В несколько раз легче, человек не удержался бы на ногах под таким напором, тем более на скользкой от снега каменистой почве.

Сквозь шум крови в ушах в голову ввинтился неистовый визг – гневный и яростный. Хальвдан было подумал, что это визжит умирающий вепрь – удивительно тонким голосом, – но звук шел со стороны. Обернулся – на него несся вниз по склону еще один кабан, вдвое меньше первого. Дико было видеть, как небольшой кабан в одиночку мчит прямо на Хальвдана, да еще и разрезая воздух визгом, – звери так себя не ведут. С ощущением опасного сна Хальвдан попытался вырвать рогатину из тела вепря, но она застряла в костях. Отскочив, он чуть не упал на свою погибшую лошадь, но тут на глаза ему попался лук. Дрожащими от напряжения руками Хальвдан наложил стрелу, но едва успел прицелиться – небольшой кабан был уже в десяти шагах и не собирался останавливаться. Казалось, он его визга сейчас само небо треснет и посыплется вниз мутными обломками.

Отважный черный пес метнулся навстречу новому врагу. В последний миг Хальвдан сдвинул прицел, чтобы не застрелить пса. Вместо того чтобы вонзиться кабану в грудь, стрела скользнула по шкуре у левого плеча и упала на снег. Вслед ей полетели несколько ярких красных капель. Кабан отшатнулся, Хальвдан снова схватил меч. Зверь метнулся прочь и пропал за кустами. В его следах осталось еще несколько капель крови – словно крупная брусника.

Некоторое время Хальвдан стоял с мечом в руке, слегка покачиваясь и дико озираясь. Ждал, что из-за всех кустов на него полезут визжащие, обезумевшие свиньи, но было тихо. Два уцелевших пса лизали кровь из брюха мертвой лошади.

Опомнившись, Хальвдан убрал меч в ножны и сел на остывающий конский труп. Голова шла кругом, в ушах шумело. Он ясно понимал, что чуть не погиб. Ощущения были странные: будто все это происходило в каком-то стеклянном сне, и только теперь стекло понемногу тает, как лед, выпуская на свободу истинный мир.

Когда дрожь унялась и дыхание выровнялось, Хальвдан встал и подошел к своей добыче. Ему не померещилось с испугу – вепрь был огромным. Здоровенная голова, словно бочка, мясистая морда, на которой глазки казались совсем маленькими, почти черная шкура с длинным, грубым, влажно блестящим ворсом, огромные уши, окаймленные торчащей шерстью. Могучая холка горбом. Хальвдан приложил ладонь к окровавленным клыкам – по длине одинаково. Передернулся: уж очень живо представилось, как эти клыки бьют по бедру. Перервав бедренную жилу, кабан в один миг убивает человека, умрешь раньше, чем успеют перевязать, даже если и будет кому. А он здесь один...

Один? Осененный новой мыслью, Хальвдан поднял голову и огляделся. Кругом никого – только выступы скал сереют сквозь снег да торчат везде заиндевельные кусты. Здесь с ним два живых пса и трое мертвых животных: лошадь, вепрь, пес. Снег и листва изрыты, кругом капли, пятна и лужи крови – побоище, иначе не скажешь.

– Эээй! – хрипло крикнул Хальвдан. – Велауг! Эльвир! Кто-нибудь! Фроооор!

Он помолчал, прислушиваясь: отвечал только ветер.

– Ээээй! – поглубже вдохнув, увереннее закричал Хальвдан. – Я здесь! Киран! Бирнир! Где вы все?

Тишина. Куда все делись? Хальвдан прошел немного по следам своей лошади – десять шагов, двадцать, тридцать. Цепочка следов была только одна. Выходит, он скакал навстречу стаду в одиночку, что твой Сигурд на змея Фафни? Но где остальные? Не так уж далеко он умчался, когда они успели отстать? Хальвдан огляделся, выискивая глазами ельник и ту гору, с которой заметил стадо, но не смог понять, с какой стороны приехал. Его окружали такие же горы, невысокие, под рваным белым плащом снега, покрытые негустыми зарослями. Небо затянули серые тучи, и не понять, где какая сторона света.

Что теперь делать? Вепря надо выпотрошить, пока не зачоченел. Хальвдан вернулся на поляну, где черный пес стерег добычу, а рыжий тянул из лошадиного брюха кишки. Имея при себе длинный и широкий охотничий нож, Хальвдан взялся за дело: отделил вепрю голову, стал снимать шкуру. Кое-какой опыт у него в этом деле был, но для такой зверюги – явно недостаточный. Велауг Йольский Ловец, как Хальвдан однажды видел, маленьким ножичком живо снимал шкуру с оленя, а потом вытирал пальцы о мох – и все. Сам же Хальвдан провозился долго – устал и весь измазался кровью. Требуху выкинул псам – это их доля. Руки в крови по плечи, отметил Хальвдан, глянув на себя, – как у Сигурда из рода Вельсунгов, когда тот убил змея Фафни.

Сказание о Сигурде и змее Фафни навело Хальвдана на еще одну мысль. Сигурд съел сердце змея и стал понимать птичий язык. Отрезав кусочек еще теплой печени, Хальвдан съел его сырым. Не змей из пещеры, полной золота, но у такого могучего зверя даже конунг может признать силы и удачи. Огляделся, прислушался, но ни одной сойки поблизости не было, и проверить, не появились ли особые умения, не удалось.

Пока трудился, время от времени Хальвдан разгибался и снова принимался кричать. Удивление переходило в тревогу. Куда все подевались, почему его никто не ищет? Прошло полдня, не оглянешься – начнет темнеть, ведь идут самые короткие дни. Снег уже не так бел, меж кустами клубятся сумерки. Дрожащие под ветром ветки кустов словно грозят черными костлявыми кулачками.

Закончив, Хальвдан снова сел на лошадиный труп и с отвращением посмотрел на свои руки – в крови по локоть. Штаны, меховой кюртиль⁹, даже обмотки – все в кровавых пятнах. Он долго стирал снегом засохшую на руках кровь, но счистить ее с одежды нечего было и думать. Потом прикинул, как быть дальше. Хотелось пить, но на снег тут плохая надежда. Живот подводило от голода, подумал даже, не поест ли еще печени, пусть и сырой. И как быть с тушей? Целиком вепрь весил в пять раз больше Хальвдана. Без шкуры, головы и требухи стало поменьше, но все равно он сможет унести лишь малую часть. Оставить здесь нельзя – к утру звери разнесут по косточкам.

Нужно было что-то решать, пока не стемнело. Обойдя окрестные заросли, Хальвдан нашел подходящее дерево с развилкой толстых ветвей, куда можно было залезть, если встать на скальный выступ и поставить ногу в небольшое дупло. Набрал сучьев, кое-как выложил на развилке неровный помост. Разделил тушу вепря на части и по очереди затащил на дерево. Пару раз срывался со скользкого камня и коры, ушиб ногу и ободрал руку. Наконец мясо было

---

⁹ Кюртиль – очень древняя одежда германских народов в виде распешной куртки с косым запахом.

на дереве, и Хальвдан прикрыл его сверху шкурой. Еще раз потер снегом руки, но заметно чище не стал, только сильнее замерз.

Немудрено было прийти в отчаяние. В воздухе сгущалась тьма раннего зимнего вечера, Хальвдан находился посреди леса, один с двумя псами, понятия не имея, как выбираться. Еще попробовал покричать, но от усталости и жажды совсем охрип.

Но не сидеть же здесь, среди трупов лошади и пса. Собакам больше повезло: они до отвала наелись требухи, а Хальвдан, имея грудку сырого мяса, щелкал зубами от голода. Можно было бы развести огонь и обжарить несколько кусочков до съедобного состояния, но Хальвдан понимал: за этим делом он потеряет время и уж точно не успеет никуда выбраться до темноты.

Хальвдан снял с лошадиного трупа седло с уздой и повесил на другое дерево. Едва ли за ночь в лесу никто не тронет тушу, а зачем хорошим вещам пропадать?

– Давайте, песики! – после того велел он своим спутникам. – Ищите след. Домой! В усадьбу! Велауг!

Он показал собакам следы своей лошади. Те вроде бы поняли и побежали, но вскоре след вышел на каменистый участок, откуда снег сдуло, и след пропал. Собаки закрутились, вопросительно поглядывая на Хальвдана. Он сам обошел участок по кругу, надеясь найти след там, где снова будет снег, но не нашел и в придачу забыл, с какой стороны пришел сюда.

Это уже было похоже на чары. Бормоча: «Именем Тора, я сам по себе!», Хальвдан делал знаки молота, надеясь увидеть зачарованный след. Шел и шел уже наугад. Выбиваясь из сил, несколько раз присаживался на поваленные деревья, но долго сидеть было нельзя. Чуть не потерял рыжего пса, когда тот увлекся каким-то звериным следом...

И вот, когда Хальвдан уже пришел к мысли, что пора, пока не совсем стемнело, искать защищенное от ветра место, делать лежанку из лапника и собирать сучья на ночной костер... взгляд наткнулся на нечто весьма отрадное – прямо перед носом на снегу отпечатался лыжный след поперек его пути. Вскрикнув от радости, Хальвдан пригляделся. След был свежим – несомненно, сегодняшней. Кто-то прошел здесь на охотничьих лыжах, по сторонам виднелись следы от тычков палкой. Кто-то из людей Велауга? Наверняка его, Хальвдана, и искали! Но почему тогда не звали, не трубили в рог?

Хальвдан покричал в ту сторону, куда уводил след, но ответа не дождался и пустился почти бегом, со всей осторожностью, лишь бы не поскользнуться на покрытых снегом налетах камнях, листве и мху. След вел не на юг, к усадьбе Велауга, а скорее на северо-запад, дальше в горы, но другой путеводной нити Хальвдан не имел и жаждал не потерять хотя бы эту. Несколько раз он замечал кабаньи следы – похоже, неведомый лыжник тоже был из ловцов и преследовал зверя, мелкого, судя по величине отпечатков.

К счастью, заросли на горах не заслуживали названия настоящего леса. Встречались большие деревья – ель, бук, ясень, береза, – но редкие кусты между ними, прозрачные без листвы, позволяли продвигаться свободно. Однако путь давался нелегко: Хальвдан то скользил вниз по склону, то карабкался вверх, цепляясь за кусты и помогая себе древком рогатины, обходил камни, полузасыпанные снегом. Через роздых он, уже не надеясь, что по следу придет к усадьбе Велауга, мечтал прийти хоть куда-нибудь. Темнота сгущалась, но Хальвдан, хоть и устал и запыхался, не снижал хода – еще немного, и след придется отыскивать на ощупь.

На удачу Хальвдана, вечер выдался ясным, появилась луна. Наклонившись и вглядываясь, он шел по лыжному следу, пока не заметил, что тот упирается, как казалось, прямо в склон горы. Обнаружив это, Хальвдан приостановился, озадаченный. Пробрало тревогой – что если след уводит *прямо в гору*? Если так, то идти по нему было большой ошибкой, и стоит поскорее убираться прочь. Он оглянулся: позади смыкалась тьма, заросли казались гуще, чем были, и он усомнился, что сумеет отыскать хотя бы свои собственные следы. Полузаснеженный холодный лес казался беспредельным, а усадьба Велауга виделась где-то за дни пути.

Может, не так уж все плохо – лыжный след огибает пригорок? Пока Хальвдан стол в колебаниях, порывом ветра в лицо до него донесло запах дыма, и он приободрился. Где-то рядом горит очаг... Одна только мысль о жарком огне позволила ощутить, как же сильно он устал, замерз и проголодался.

Хальвдан прошел еще шагов десять, уже не глядя под ноги, и чуть не рассмеялся. То, что издали в сумерках он принял за пригорок, оказалось избушкой, полуукрытой нижними лапами старых елей. Дерновая крыша ее, усыпанная палыми листьями и снегом, не бросалась в глаза на склоне. На ней даже росли кусты, но заброшенной избушка не выглядела. Из отверстия над дверью тянулся дым.

Пригладив волосы и оправив одежду, Хальвдан перевел дух и осторожно постучал. Ждал с замиранием сердца: ответят ли? Изнутри ему послышался шорох быстрого движения, и снова пробрало холодком, но Хальвдан пересилил его и снова постучал.

– Есть ли кто в этом жилище? – почтительно окликнул он. – Я не здешний, сбился с дороги, заплутал и ищу ночлега. Никому не причиню вреда, клянусь Тором!

Дверь со скрипом отворилась, и Хальвдан увидел за порогом старуху с горящим глиняным светильником в руке. Была она такой дряхлой, что от нее явственно веяло могилой; округлое лицо с высокими скулами, плотно обтянутыми кожей, курносый нос навел на мысль, что это лопарка¹⁰. Подтверждала догадку и ее одежда: синее платье, расшитое на плечах красными и желтыми полосами, красная круглая шапочка с завязками, из-под которой виднелись две тонкие, длинные снежно-седые косички.

– Привет и здоровья тебе, матушка! – Хальвдан содрогнулся от чувства, что забрел если не во Внешнюю Ограду¹¹, то на ее край, но постарался быть вежливым. – Я охотился и отбил от своих людей. Будь так добра, пусти меня погреться и переночевать. Клянусь всемогущими асами, у меня нет ничего дурного на уме! И мне есть чем отблагодарить.

Хальвдан был среднего роста, но старухе пришлось сильно задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Некоторое время она пристально его разглядывала своими глазками из густой сети морщин – Хальвдан в это время раздумывал, стоит ли ему входить или лучше воздержаться, – потом посторонилась и пропустила внутрь.

– Заходи уж, раз пришел! – Голос у нее оказался удивительно бодрый для такой карги. – От мужского общества мы не откажемся!

Старуха хмыкнула, Хальвдан уловил в ее дыхании знакомый запах пива и понадеялся, что она шутит и как мужчина он ей не потребуется. Собакам он велел оставаться снаружи, но оружие из рук не выпустил. Хальвдану было не по себе, и он явственно жалел, что приходится искать здесь приюта. Будь его воля, он бы не вошел сюда, но зимняя ночь и лес не оставляли выбора. Женщина не выглядела опасной, и Хальвдан убеждал себя, что его тревога – просто от непривычки просить приюта у чужих людей в малознакомых местах. Подумаешь, старуха? Подумаешь, лопарка – хотя как ее занесло сюда через полсвета, из самых дальних северных краев, еще вопрос. По слухам, лопари кочуют разве что в Халогаланде. Ощущения Хальвдана твердили ему, что он забрался во Внешнюю Ограду, но он гнал от себя эту пугающую мысль.

Дверь за ним закрылась. Хальвдан остался возле входа, давая глазам привыкнуть к темноте. Пока же он различал только низкий огонь в очаге, да и то сквозь дымную завесу. Защищало в глазах и в носу.

Первое, что он разглядел – те самые лыжи, чей след привел его сюда, они стояли возле самой двери. Рядом висела одежда из шкур северного оленя – видно, этой старухи.

---

¹⁰ Лопари – скандинавское название племени саами, коренного угро-финского народа Северной Европы. В Норвегии обитали на самом севере, в провинции Халогаланд.

¹¹ Внешняя Ограда (Утгард) – мир магии и непознанного, окружающий мир людей и населенный великанами.

– Да это он и есть! – раздался из глубины дома молодой женский голос. – Клянусь передником Матушки Ангрбоды! Сам сюда явился!

– Ты так думаешь? – Открывшая дверь старуха поставила светильник на стол, взяла взамен глиняную чашку и отхлебнула.

– Ну конечно! Я же его видела!

Хальвдан застыл, прижавшись спиной к двери. Невидимая молодая женщина говорила с таким возмущением, будто собиралась обвинить его в тяжком преступлении. Его с кем-то спутали? Голос был ему незнаком, да и в этих краях он не знал ни одной женщины, кроме дочерей Велауга.

Похоже, здесь ему приюта не дадут. Но едва Хальвдан подумал, не лучше ли просто убраться прочь и тролль с ним, ночевать в лесу как придется – не так уж сейчас холодно, чтобы замерзнуть насмерть, – как из дымной глубины дома показалась еще одна женщина.

– Хальвдан! О боги, это же сын Асы из Кунгсхольма, молодой Хальвдан конунг!

В этом голосе звучало изумление. Хальвдан взгляделся и вздрогнул от того же чувства: перед ним стояла Исвильд Зимняя Дева!

Прядь 4

Даже в дымной полутьме нельзя было не узнать эту рослую, плечистую фигуру, вытянутое костистое лицо с острым подбородком и огромными, вдвое больше обычных, глазами.

– Исвильд! М-матушка... Но как ты сюда...

От потрясения голова у Хальвдана шла кругом. Они же договорились встретиться в йольскую ночь на курга... Ему только померещилось, что он проснулся, стеклянный сон продолжается?

– Хальвдан! – Исвильд всплеснула руками. – Зачем ты здесь! Ох уж эта молодежь, не могут потерпеть до срока! Я ведь обещала, что в йольскую ночь приду на курган твоего дела, там бы мы и потолковали обо всем! Зачем было... Но как ты меня нашел? Кто тебе указал путь?

– Я охотился... А потом чьи-то лыжи... – Хальвдан глянул на эти орудия возле себя. – Я просто шел по следу...

– Э, да я сама и привела его! – Старуха усмехнулась и отхлебнула из чашки. – Исвильд, ты его знаешь? Его можно впустить?

– Такого человека стоит впустить. Это ведь сам конунг Агдира. Проходи, конунг. Прости, если мы тебя плохо встретили, но мы всего лишь...

– Матушка Исвильд, не дашь ли мне воды? Умираю от жажды.

– Дай ему пивка, раз уж он свой человек! – посоветовала старуха.

Однако Исвильд подала ему ковшик с водой, и Хальвдан жадно к нему припал.

– Налей ему козьей мочи! Пусть убирается прочь! – с прежней непримиримостью крикнул молодой голос из глубины дома. Там угадывалась какая-то возня, шорох ткани, и голос звучал чуть приглушенно, как будто говорившая стоит спиной. – Убийце здесь не место!

– Я никого не убивал! – Хальвдан настолько опомнился, чтобы защититься. – Вы меня принимаете за другого.

– Как же!

Из тьмы выскочило стремительное нечто, и Хальвдан подался назад, но он и до того упирался спиной в дверь, так что отступить оказалось некуда. Поначалу он увидел только мохнатый ком чуть ниже человеческого роста, и только потом разглядел: перед ним невысокая молодая девушка с очень длинными распущенными волосами. Длинная меховая безрукавка была надета прямо поверх рубахи из серой шерсти, рассыпанные волосы сливались с мехом, делая владелицу похожей на мохнатого зверя с человеческим лицом. Лицо это было овальным, скуластым, большеротым; глаза как капли острым концом наружу, курносый нос с очень широкими крыльями и несоразмерно высокий лоб. Хальвдан сказал бы, что девушка не только некрасива, но и довольно чумаза, а в нерасчесанных темных волосах запутались сухие листья, хвоя и даже мелкие веточки. От нее веяло снеговой влагой, как будто она тоже едва вошла в дом.

Но чем он ухитрился ее обидеть?

– Я сама видела! – Уперев одну руку в бок, другой гневная дева ткнула в сторону Хальвдана. – Погляди, чья кровь у тебя на одежде!

– Это кровь вепря! Я добыл его в лесу.

– Убийца!

– Я никого не убивал! – В досаде Хальвдан повысил голос. Он немного опомнился, и эта нелепая встреча начала его раздражать. – Исвильд, я рад тебя видеть, но я и знать не знал, что ты живешь здесь! Моя мать сказала, ты переселилась куда-то к Троллевоу роще на Тромё.

– Я жила там раньше, но теперь... Торгерд, я думаю, мы все же можем пригласить Хальвдана конунга к нашему столу и дать ему кров на эту ночь. Его мать была воспитанницей моего отца, так что он мне кто-то вроде племянника.

– Если ты ручаешься за него... – начала старуха, качнув чашкой.

– А я ручаюсь, что это убийца! – Непримируемая дева снова ткнула в Хальвдана пальцем. – Он мне должен виру за кровь!

– Не проливал я твоей крови! – возмутился Хальвдан.

И подумал: «На тебя я бы за сто лет ни разу не взглянул!» В Кунгсхольме и вокруг жило немало девушек и покрасивее, и полюбезнее.

– Проливал!

– Ну так что же ты хвастаешься этим на людях? У тебя совсем стыда нет?

– Да ты... да я... – Сообразив, о чем он говорит, девушка выпучила свои глубоко посаженные небольшие глаза, и при свете пламени стало видно, что они желтые, как у лесного зверя. – Да вот же...

Она решительно распахнула безрукавку, но Исвильд живо заслонила ее собой и крепко стянула полы одежды.

– Хадда, уймись! – сурово приказала Исвильд. – Девушкам не пристало так вести себя перед мужчиной, да еще и конунгом. Иди, сядь куда-нибудь и отдохни. Приди в себя.

С этими словами она развернула Хадду лицом в глубину дома и подтолкнула в спину.

– Не уймись! – Хадда упиралась и оборачивалась. – Я не позволю ему сидеть здесь!

– Да скажи наконец, кого я убил! – возмутился Хальвдан. Он не привык, чтобы с ним так грубо разговаривали. – А если не скажешь, то пора бы тебе вспомнить, что нельзя безнаказанно обвинять человека в убийстве, которого он не совершал!

– Ты заколол Большого Вепря! – Дева ткнула в копье, которое Хальвдан прислонил к стене возле себя. – Скажешь, нет?

– Вепря? Да, если ты имеешь в виду зверя.

– Ты сознаешься!

– Я приехал сюда поохотиться на вепря для йольского пира! И вепря я добыл. Только он, Исвильд, остался лежать в лесу, и боюсь, как бы до него не добрались звери. Я был совсем один, когда догнал его. Унести я его не мог, пришлось поднять на дерево. Но если его отыщет медведь, это не поможет.

Две старшие женщины переглянулись.

– Для йольского пира? Для жертвы Фрейру?

– Ну конечно! Ты знаешь, Исвильд, что теперь я конунг и на мне обязанность принести Фрейру вепря за добрый урожай и мирный год!

– Это так, да. Но лучше бы тебе дать какой-нибудь небольшой выкуп, что Хадда тебя простила, – добавила Торгерд.

– Выкуп? Разве что он женится на мне и сделает своей королевой! – судя по язвительному тону, Хадда верила в такой выкуп не больше самого Хальвдана.

Хальвдан оглядел ее с ног до головы. Хадда фыркнула и сложила руки на груди; при ее коренастом сложении грудь у нее была довольно пышная. Но едва Хальвдан это отметил, как огонь в очаге ярко вспыхнул и выхватил из тьмы на полу возле ее ног какой-то длинный толстый прут с кисточкой на конце. Хадда перехватила его взгляд, дернулась – нечто исчезло под подолом рубахи. Хальвдан не смог бы поклясться, что ему не померещилось. Может, его обманула игра теней.

– Что, я недостаточно хороша собой для конунга? – с вызовом спросила Хадда. Видимо, в глазах Хальвдана ясно отразился ответ «да», и она добавила: – Это дело поправимое. Если я найду время умыться, причесаться и справить одежонку поярче, то стану такой красавицей, что все конунги Восточного и Западного края передерутся за право взять меня в жены, ха-ха!

– Я от этой драки лучше воздержусь! – вырвалось у Хальвдана.

Он не стал бы дразнить бедную девушку только за то, что она некрасива, но Хадда уж слишком явно набивалась на ссору, а злобность и вздорность он считал куда худшим недостатком.

ком для женщины, чем недостаток красоты. Усталый и голодный, он не имел сил на столь глупые перепалки с какой-то грубиянкой-замарашкой.

– А ну-ка, попробуй меня поцеловать! – Судя по ее тону, дальше должно было идти: «Я тебе нос откушу», но что-то в этом вызове было и от настоящей просьбы. – Может, *тогда* я сделаюсь красавицей?

– Хадда, оставь его в покое! – одернула ее Исвильд, в то время как Торгерд лишь ухмылялась, слушая перепалку, и нередко прикладывалась к чашке. – Разве так об этом просят?

– А как?

– Я потом тебя научу!

– Мне надо сейчас! Раз уж он убил Большого Вепря, должен он мне возместить утраты! А мне нужен человек с настоящей удачей!

– Сейчас не время. Ступай, ступай!

– Не сердись на нее, Хальвдан конунг, – примирительно сказала Торгерд. – Она, видишь ли, была изрядно дружна с этим вепрем...

– Дружна? Со зверем?

– Проходи же и садись! – Исвильд взяла Хальвдана за плечо и мягко подтолкнула к столу. – Я не ждала увидеть тебя сегодня, но раз так случилось, значит, так суждено.

Она приоткрыла дверь, выпуская дым, и в избушке стало легче дышать. В двери показались два любопытных собачьих носа – и тут же исчезли, будто им что-то не понравилось. Хальвдан осторожно сел, но дальше стола, освещенного язычком пламени в глиняном светильнике, ничего не видел. Похоже, кроме этих трех женщин, здесь никого не было. Хотелось спросить, есть ли у них мужчины – мужа Исвильд и Торгерд, а может, отец Хадды. От мужчин такой семейки Хальвдан добра не ждал, но воздерживался от проявлений любопытства. В сказках неожиданных гостей приходится прятать от таких лесных хозяев, чтобы не оказались за столом в качестве главного блюда.

– Вот тебе! Угощайся!

К нему подошла Хадда и плюхнула на стол грубо вырезанную деревянную миску с каким-то варевом. Рядом бросила ложку. Вид у лесной девы был самый недружелюбный. Коротко глянув на нее, Хальвдан с подозрением рассмотрел поданное угощение – в мутной жиже плавали темные комки. Он подцепил один из них ложкой... и чуть не выронил ее. На ложке лежала небольшая сушеная жаба. Не веря глазам, Хальвдан еще раз взгляделся. Первым порывом было швырнуть миску в Хадду, но Хальвдан успел сдержаться. Он хорошо помнил рассказы о таких встречах и знал, что можно делать, а чего нельзя.

Есть эту гадость он, конечно, не собирался. Но и возмущаться вслух в таких местах не следует. Хальвдан снова придвинул к себе миску и стал неспешно возить в ней ложкой, иногда поднося ее ко рту, а потом возвращая в миску. Как маленькие дети, которые играют «в жертвенный пир», но не забывают, что вместо блюд у них листья, вместо каши – песок, а вместо мяса – камни. Осуществлять эту «еду понарошку» было не очень удобно под пристальным взглядом Исвильд, сидевшей рядом, но не сумасшедший же он, чтобы положить *это* в рот.

– Почему ты не ешь? – через какое-то время озадаченно спросила Исвильд. – Это еда... для живых людей. Не бойся, я ведь ела в твоём доме.

– Я благодарен, – Хальвдан бегло глянул на нее, – но такая пища непривычна для меня, и боюсь, как бы она не повредила моему здоровью.

– Непривычна? – Исвильд явно удивилась. – У вас богатый дом, но я не поверю, чтобы за восемнадцать лет тебе ни разу не довелось поесть овсяной каши!

– Овсяной каши мне поесть случалось. Но... Не хотел бы я показаться неучтивым, но ты, возможно, помнишь... что в Кунгсхольме не подают на стол сушеных жаб.

– Жаб? – Исвильд вскочила и заглянула в миску. – Хадда, негодница! Что ты натворила! Из глубины дома донесся издевательский смех.

– О Матерь Ангрбода! Сделай знак молота над миской.

Хальвдан последовал этому совету – и в миске оказалась обычная овсяная каша.

– Это мелкая мерзавка отвела тебе глаза, вот и показалось, что там жабы! Разве я бы позволила подать такую дрянь сыну Асы! Прости. Она не в себе. У нее отец погиб...

– Сожалею, – буркнул Хальвдан, пытаясь найти в сердце сочувствие. – Надеюсь, о ней есть кому позаботиться. А то она с таким нравом наживет себе несчастий.

– Она и раньше жила с нами. Сядь. – Исвильд снова усадила его. – Подайте же нашему гостю настоящей еды!

Подошла Торгерд и поставила перед Хальвданом деревянное продолговатое блюдо с кусками... сосновой коры и обгорелыми головешками. Хальвдан в изумлении взглянул на нее, но ее морщинистое лицо осталось невозмутимым – будто так и положено угощать молодых конунгов.

– Спасибо, матушка Исвильд, я, пожалуй, пойду! – скрывая досаду, твердо сказал он и встал. – Не пристало мне навязываться людям, у которых на ужин только сосновая кора и вареные жабы!

– Да уж, не стоит ночевать в доме у кровных врагов! – поддакнула из тьмы Хадда.

– Можно подумать, тот вепрь и был твоим отцом! – в досаде бросил в ту сторону Хальвдан.

– Можно подумать? – долетело в ответ возмущенное. – Можно подумать?

– Конунг, умоляю тебя, не сердись! Сделай знак молота.

Поколебавшись, Хальвдан осенил поданное знаком Тора – и увидел хлеб и козий сыр.

– Хадда, если ты не уймешься, я выгоню тебя в лес! – пригрозила Исвильд куда-то во тьму. – Конунг, сядь! Это настоящая еда! – Она взяла ломоть хлеба, разломилась и откусила. – Видишь, я это ем! Вот овсянка! С молоком и маслом.

Хальвдан сел и помолчал, глядя на жесткий хлеб. Очень хотелось уйти – но куда? Сквозь щель приоткрытой двери было видно, что снаружи совсем темно, веяло холодом влажного зимнего леса. Слышно было, как капает с ветвей мокрый снег...

Еще раз сделав знак молота над хлебом и миской, Хальвдан взял костяную ложку с коротким черенком и начал есть. Жевал осторожно, прислушиваясь: не превратится ли хлеб в камень, а каша в грязь? Но вскоре голод молодого парня взял верх над осторожностью, и Хальвдан прикончил все, что было на блюде. Подумал: в усадьбе Кунгсхольм Исвильд угощали кое-чем получше, но она тоже, кажется, дала ему лучшее, что имелось в ее доме. А значит, заслуживала равной благодарности.

Пока Хальвдан ел, до него долетали обрывки тихого разговора между хозяйками:

– Только подумай, что скажет обо мне его мать, если мы отошлем его ночью в лес голодным...

– Ха, она ничего не скажет, если он вовсе не вернется домой!

– Уймись, глупый поросенок! Он – конунг, он потомок йотуна Раума и бога Фрейра, у него такая удача, что тебе с ним не тягаться!

– Благодарю вас за угощение! – сказал Хальвдан, закончив. – И приглашаю вас – всех трех – ко мне в Кунгсхольм на йольский пир. Если только медведи и росوماхи не доберутся до моего кабана...

– Вы слышите! Этот негодяй предлагает мне есть мясо моего родного отца!

Не оборачиваясь, Хальвдан узнал этот голос. И его досада на Хадду почти прошла: бедняжка просто помешанная. Понятно, почему родичи, кто бы это ни были, отослали ее жить в лес с двумя ведуньями. По глазам же видно: в голове не все в порядке.

После этого возгласа в избушке настала тишина: на приглашение Хальвдана никто не ответил. Он встал и обернулся. Все три женщины стояли в ряд у очага: Торгерд, Исвильд, Хадда – и смотрели на него, будто чего-то ждали. От их взглядов холодок пробежал по спине. Были

они так несхожи: низенькая коренастая девушка, рослая худошавая женщина средних лет и морщинистая сгорбленная старуха в ярком лопарском наряде, но было между ними общее, как будто... как будто они незримо держали в руках общую нить.

– Прошу меня простить, если я что-то говорю и делаю не так, – добавил Хальвдан, пытаясь разбавить гнетущую тишину. Несколько вызывающий тон противоречил скромному содержанию слов. – Я еще молод и неопытен... как конунг и как гость.

Это была и правда, и нет. Раз в несколько лет Аса самолично пускалась в зимние разъезды по стране и всегда брала Хальвдана с собой, чтобы жители Агдира с самого начала знали своего будущего конунга. С тех пор как Хальвдану сравнялось двенадцать и ему вручили меч, он стал ездить сам, в сопровождении Эльвира Умного и дружины. Он успел повидать разных людей и знал, как должен вести себя учтивый гость, к тому же – повелитель. Но, кажется, впервые в жизни он оказался под кровом незнакомых женщин совершенно один, без Эльвира и его сыновей, своих привычных спутников, даже без Кирана – своего слуги. Вынужден был терпеть нелепые нападки юной девушки, которой даже ответить как следует не мог, – что она за противник для конунга? Сама странность этого вечера наедине с тремя женщинами – не то вещими, не то помешанными, наводила на мысль, что все это подстроено... или суждено.

– Увы, конунг... Хадда немного права, – наконец заговорила Исвильд. – Мы не сможем прийти к тебе на Йоль. Но раз уж ты здесь... – Она переглянулась с Торгерд, – мы все же дадим тебе предсказание.

У Хальвдана слегка оборвалось сердце. Он-то думал, что бег по сумрачному лесу и этот странный ужин и есть его сегодняшнее испытание. Оказывается, это был только зачин...

Он снова сел и вынудил себя сказать:

– Буду вам очень благодарен... за добрые предсказания.

С каждым мгновением страх сильнее овладевал им. После пережитого днем он опять усомнился, в каком мире находится – может, забрел ненароком прямо во Внешнюю Ограду? С того вечера, когда Исвильд явилась в Кунгсхольм, Хальвдан не раз пытался представить, как встретит ее йольской ночью на кургане деда и что услышит от нее. И вот... ни воловьей шкуры, ни меча... Он даже никакой жертвы не принес...

– Не тревожься, конунг. – Исвильд улыбнулась, видя его растерянность. – Я не скажу тебе ничего страшного. Хочешь узнать, что делает сейчас твоя будущая жена?

– Готовится к йольскому пиру, надо думать. – Хальвдан заставил себя улыбнуться. – Чем еще может в такое время заниматься хорошая хозяйка? Тебе известно, кто она?

– Мне известно даже больше, – мягко ответила Исвильд. – Ты порадовал меня тем, что умеешь проявить смелость, вежливость и великодушие – и как хозяин дома, и как гость. Ты проживешь хорошую, славную жизнь...

– Но продлится она не более половины того, что могут прожить более удачливые люди! – вставила Хадда. – И погибнешь ты внезапно, во цвете лет!

Исвильд бросила на нее укоризненный взгляд и продолжала:

– У тебя будет единственный сын по имени Харальд, он завоюет обширные земли, получит во владение множество фюльков, у него появится много жен и очень много детей, они будут владеть еще большим числом земель здесь и за морями...

– Ничего подобного! – перебила ее наглая Хадда. – Этот Харальд умрет еще ребенком, и никаких жен или детей ему не видать!

– В жены тебе достанется очень достойная девушка, знатного королевского рода, красивая и во всем искусная. Я даже знаю ее имя – Рагнхильд...

– Но только тебе придется долго ее ждать! – злорадно вставила Хадда. – Ей сейчас всего семь лет от роду! К свадьбе с ней ты начнешь сидеть!

– Да нет же! – возразил Исвильд. – Я вижу ее ясно – это уже зрелая девушка...

– Перезрелая! Но только она умрет задолго до тебя, и ты овдовеешь молодым!

– Торгерд! – в негодовании воззвала Исвильд. – Прикажи ей замолчать! Она портит мои предсказания и все выворачивает наизнанку!

– Он ничего другого и не заслужил! – вставила вредная предсказательница. – Чего еще ждать от сына таких родителей!

– Не смей трогать моих родителей! – Этого уже Хальвдан не выдержал. – Я верю, что твоя родня – звери из леса: столько в тебе злобы, жалкое ты создание!

– Ты сын двоих семейных убийц! – взвизгнула Хадда. – Твой отец убил твоего деда, а мать – твоего отца! И с сыном твоим у тебя не будет мира – ты не увидишь его старше, чем десятилетним, и...

На этом месте Торгерд вдруг повернулась к Хадде, с удивительной для такой старухи ловкостью обхватила ее одной рукой, а второй зажала ей рот.

– Довольно! Ты уже напророчила ему столько, что понадобится много удачи, чтобы все это преодолеть!

– Торгерд, за тобой еще осталось слово! Прошу тебя, сделай так, чтобы ее предсказания не сбылись! – взмолилась Исвильд. – Не позволяй ей опозорить меня – будет бесчестьем, если я, в ответ на гостеприимство и доброту Хальвдана конунга, отпущу его с такими злыми предсказаниями!

– Ты же знаешь, Исвильд, – Торгерд вздохнула, – отменить предсказание не под силу никому. Все, что я могу сделать... я скажу, что исполнится и то, и другое. И злое пожелание, и доброе.

– Но как? – в изумлении воскликнул Хальвдан. – Не может у одного человека быть две судьбы! Не может мой сын и умереть ребенком, и завоевать много фюльков! Разве что он родится сильнее Вали¹² и будет способен на подвиги в возрасте одной ночи! Я не смогу и жениться седым, и овдоветь молодым! Ты хочешь сказать, что исполнится или одно, или другое?

– Нет, Хальвдан конунг. Исполнится и то, и другое. Но это все, что я могу тебе сказать.

Некоторое время все молчали. Хальвдан слышал, как где-то, и близко, и далеко, журчит источник Урд и шумит ветер вечности в кроне Мирового Ясеня. И скрипят тихонько острые ножи в руках норн, вырезающих на стволе руны Хальвдановой судьбы.

---

¹² Вали – сын Одина и великанши Ринд, в возрасте одной ночи отомстил за смерть Бальдра, убив Хёда.

Прядь 5

Домик Исвильд был так мал, что в нем не нашлось лишней лавки, где Хальвдан мог бы лечь, и ему устроили постель прямо на полу. Исвильд принесла откуда-то снаружи охапку сена, достала несколько старых овчин. Хальвдан укрылся этими овчинами, а свой плащ свернул и подложил под голову. Несмотря на усталость, он был уверен, что не заснет. Как знать, не попробует ли непримиримая Хадда перерезать ему горло, спящему? Но, едва он лег, как темные воды глубокого сна захлестнули его с головой. Ощущая, как неудержимо тянет в глубину беспамятства, что даже усилием воли невозможно открыть глаза, Хальвдан подумал: я проснусь... если проснусь... не в доме, а прямо на земле посреди леса и буду думать, что все это мне приснилось... Это мне приснилось?

Однако он проснулся, живой и здоровый, от сильного дуновения влажного холодного воздуха. Сразу ощутил запах дыма: в очаге уже горел с треском хворост, дверь была прикрыта, в щель виднелся серый свет пасмурного зимнего дня. Он проспал и ночь, и утро. В доме оказалась одна Исвильд, куда делись две другие хозяйки, Хальвдан спрашивать не стал. Исвильд подала ему хлеба и свежего козьего молока; знак Тора никак на них не повлиял.

– Ешь спокойно, – устало сказала Исвильд. – Этот глупый поросенок, Хадда... На нее порой находит, сладу нет. Она ведь тоже девушка, как увидит красивого молодого мужчину, так теряет последний ум...

Хальвдан хотел сказать, что красивые молодые мужчины любят более ласковое обращение, а с таким нравом, как у Хадды, толку не добиться. Но вспомнил глубоко посаженные желтые глаза, горящие злобой, и невольно содрогнулся. Нет, это были глаза не женщины, а кого-то совсем другого. Вчерашний вечер и его странные беседы казались сном, и сейчас, утром, этот сон выглядел куда более опасным и неприятным, чем вчера.

Когда Хальвдан поел, Исвильд взяла свою меховую накидку.

– Теперь пойдем, я провожу тебя. Твои люди сильно встревожены. Велауг поднял всю округу, чтобы прочесать лес. Никто не хочет явиться к Асе с сообщением, что ее сын пропал!

– А мой вепрь?

– Мы заберем вепря. Мне стоило труда помешать Хадде его похоронить, но не могу же я оставить усадьбу Кунгсхольм без угощения на Йоль. Это означало бы соперничать за добычу с самим Фрейром, а мы передаем волю богов, но не боремся с ними.

– Она совсем безумная? Кто же хоронит лесных зверей?

– Это... – Исвильд замаялась. – Я не хотела бы... но все же я должна тебя предупредить. Это был... не совсем простой вепрь. Он мог... менять облик.

– Менять облик? – Хальвдан, собиравший свои вещи, застыл: сообразил, что это может означать. – Так это был... не кабан никакой, а йотун?

Не так чтобы он сильно удивился: в эти короткие дни и длинные ночи преграды меж мирами истончаются и в Среднюю Ограду проникают разные сущности из ограды Внешней. Всякий человек в эту пору года постоянно держит в уме возможность таких встреч.

И ведь Хальвдан сам вчера отмечал: вепрь вел себя странно для обычного зверя! Манил за собой, напал из засады...

– Это... правда был отец Хадды, – добавила Исвильд. – Она пыталась защитить его, и ты ее ранил, хоть и не сильно.

– Это ложь, я ее и не ви... – начал Хальвдан и осекся.

Ему вспомнилась небольшая, громко визжавшая свинья, напавшая на него после гибели вожака стада. Как он выстрелили, как стрела скользнула по груди, но лишь легко ранила...

– О Фрейр! – От еще одной мысли Хальвдан чуть не сел. – А я же... съел кусочек его печени. Я же не знал! Что теперь со мной будет?

От испуга волосы шевельнулись на голове. Уж не превратится ли в йотуна теперь он сам? – Я тогда вспомнил... ведь Сигурд Убийца Дракона съел сердце Фафни. С ним не случилось ничего плохого. Наоборот, он стал понимать птичий язык и тем спасся от коварства Регина. Я, конечно, не тот герой, как он, превыше всех людей по крепости и сноровке... Я теперь тоже научусь чему-нибудь особенному, раз уж я не умер? – Хальвдан с надеждой посмотрел на Исвильд.

– Непременно научишься! – уверенно кивнула она. – Но чему – этого я пока не могу сказать. От этого подвига у тебя прибавилось сил и удачи, ты доказал, что не зря сел на престол после своего деда. Но чтобы узнать, не обучился ли ты чему-то особенному, тебе придется испытывать себя и свои силы.

– Ну что же, – Хальвдан вздохнул, – хотел бы я получить ответ пояснее, но, как видно, только в сагах великим героем становятся так вот вдруг!

Исвильд засмеялась:

– Мы мудр, если это понимаешь! И ты так молод – у тебя есть время стать героем шаг за шагом. А я постараюсь, раз уж ты в моем доме встретил это ходячее несчастье, передать тебе всю удачу твоего рода, чтобы тебе во всем сопутствовал успех.

– О! – Хальвдан понимал, как много это значит. – Буду тебе очень благодарен, матушка Исвильд!

– Идем же! Вчерашние чары рассеялись, Велауг с его людьми ищет тебя и может отыскать по следам наше жилье.

При виде Хальвдана оба пса, спавших у входа, стали потягиваться, виляя хвостами. У стены домика обнаружили санки, и Исвильд знаком предложила Хальвдану взять их. Ночью выпало немного нового снега, но различить след от лыж и следы ног Хальвдана по пути сюда еще было можно. Теперь, при свете дня, он видел вдоль лыжного следа пометки, будто здесь мели небольшой метелкой – кое-где, то с одной стороны от лыжни, то с другой. Хадда на бегу задевала снег подолом? Платье у нее, как он вчера заметил, очень длинное, полностью скрывает ноги. И это дочь йотуна! Оборотень! Хальвдан вдруг вспомнил, что говорил Велауг вечером их приезда. Два кабаньих копытца... следы от кисточки на хвосте... «Этот негодяй предлагает мне есть мясо моего родного отца!» И если все это правда, то в лице Хадды у него появился очень неприятный враг.

При помощи псов Хальвдан легко нашел ту поляну и дерево, где оставил кабана. Требуха исчезла, труп лошади был изрядно погрызен, и Хальвдан порадовался, что спрятал седло и уздечку. Снег был испятнан следами мелких хищников: лисиц, горностаев, куниц. При появлении людей с дерева вспорхнули несколько воронов, но, хотя шкура оказалась немного растрепана птицами, мясо уцелело. Исвильд помогла ему снять подмерзшие куски туши с дерева и уложить в сани. Последней Хальвдан, собрав в кулак мужество, снял с дерева голову вепря. С полуоткрытой пастью, откуда торчали клыки, с полужакрытыми глазами она выглядела улыбающейся.

– Так что же... – Хальвдан испугался новой мысли. – Эту тушу... есть нельзя? Если это был... не совсем вепрь.

– Не думаю, что это причинит людям вред, – успокоила его Исвильд. – Тот йотун погиб в облике вепря, и его мясо ничем не отличается от прочей дичи. Он хотел, чтобы ты стал его добычей, но, слава Уллу, у тебя удачи оказалось больше. Тебе, пожалуй, не стоит рассказывать людям, кто это был такой...

– Ну уж нет! Не позволю йотунам оставить меня без туши для йольского пира в первую же зиму, как я сел на престол!

Дальше они вдвоем потащили тяжелые санки по тонкому слою снега и влажным листьям. Прошли где-то с роздых, когда с соседней горы долетел долгий, пронзительный звук рога, а за ним протяжный крик.

– Это твои люди. – Исвильд остановилась и повернулась к Хальвдану. – Дальше я не пойду, мне не следует показываться им на глаза. Тебя будут расспрашивать, рассказывай что хочешь, но будет лучше, если о нас у Велауга не узнают.

– Хорошо, я не скажу. Еще раз благодарю тебя, матушка Исвильд.

При свете дня Хальвдан еще раз подивился ее необычному лицу: в форме перевернутой капли, оно заметно сужалось от высокого овального лба к острому подбородку. В верхней, широкой части лица притягивали внимание огромные глаза, вдвое больше обычного размера, округлые, с большим светло-серым зрачком. Брови были тонкими и почти бесцветными, не мешая глазам господствовать на ее лице и во всем облике. Неудивительно, что такие глаза видят духов! Тем не менее, Хальвдану эта женщина внушала расположение и сочувствие: всякому нелегко жить между мирами.

– Может, ты все же придешь на пир? Я буду рад тебя видеть и уговорю мать, чтобы она была с тобой любезна. После всего, что было... – Хальвдан оглянулся в сторону домика у скалы, – я понимаю, как тебе обязан. Если хочешь, можешь даже поселиться у нас, и я обещаю, ты ни в чем не будешь знать нужды.

– Благодарю тебя, конунг, может быть, я и приду. Мы еще увидимся.

И когда Исвильд уже повернулась, чтобы идти прочь, Хальвдан решился спросить о том, о чем уже думал этим утром, вспоминая вчерашнее. Иначе мучиться ему над этим вопросом невесть сколько.

– Ты не скажешь мне, кто эта девушка... Рагнхильд, на которой я должен жениться? Где она живет? Если я хочу, чтобы исполнилось твое предсказание о моей свадьбе, мне стоило бы знать, где искать невесту!

– Этого я не знаю. – Исвильд с сожалением покачала головой. – Но знаю, кто мог бы тебе помочь. Это мой брат Браги, по прозвищу Скальд. Он много лет назад ушел из дома – еще до твоего рождения, и с тех пор странствует. Он бывал в разных фюльках, знает многих конунгов. Может, ему известно, у кого из них есть дочь по имени Рагнхильд.

– Браги? Твой брат? – Хальвдан вспомнил, что ему после Зимних Ночей рассказывала об этом королева Аса. – Моя мать говорила, он с тех пор ни разу не бывал в родных краях. Ты знаешь, как его найти?

– Я-то знаю. Но сомневаюсь, что Аса будет рада видеть его в вашем доме.

– Я – конунг Агдира и хозяин в Кунгсхольме, – веско сказал Хальвдан. – Обещаю тебе: твой брат будет хорошо принят и сможет рассчитывать на все уважение, которое полагается человеку бывалому и прославленному.

– Ты очень решителен для того, кто не пробыл конунгом и одной зимы! – Исвильд еще шире раскрыла свои огромные глаза.

– А ты считаешь меня самоуверенным юнцом? – Хальвдан прищурился в ответ.

– Когда-то я неплохо знала Асу. Мы обе были моложе, чем ты сейчас, но уже тогда было трудно, противореча ей, настоять на своем.

– Я – не девушка. Если я проявлю слабодушие и позволю матери быть несправедливой, то опозорю и себя, и ее, и весь наш дом. Да и не напрасно же я съел от печени йотуна!

– Постараюсь передать брату твои слова. А пока прощай.

Прядь 6

Так вышло, что первая же собственная «йольская охота» прославила Хальвдана. На пиру в Кунгсхольме Эльвир и Велауг рассказывали, как чьи-то чары сбили их с толку и заставили бежать в другую сторону, гонясь за мороком; в это время молодой конунг в одиночку преследовал и добыл вепря, а потом сам же и вытащил его из леса, проведя ночь на дереве.

– И вот когда настала полночь, меня разбудили какие-то голоса внизу под деревом, – воодушевленно рассказывал Хальвдан, с пивным рогом сидя на высоком сидении конунга. Среди ярко пылавших огней, в тепле обширного медового зала, полного запаха жареного мяса, под взглядами сотни любопытных глаз, пережитое на днях ему самому казалось сказкой. – Я прислушался: там спорили между собой две женщины. Пригляделся: одна была сторбленная старуха, злющая по виду, а вторая – молодая и красивая, с волосами золотистыми и блестящими, как шелк. Они спорили, о чем бы вы думали? Обо мне!

– Я бы выбрал молодую! – с важностью, будто этот вопрос требовал решения, воскликнул Фольмар Зима. – К чему годна старуха, особенно для такого молодого человека!

– Я бы тоже! – согласился Хальвдан сквозь общий смех. – Но только, видишь ли, они спорили о моей судьбе. Молодая сказала: пусть Хальвдан конунг проживет долгую жизнь, женится на красавице по имени Рагнхильд, пусть у него будет много детей, а один сын, по имени Харальд, завоюет множество земель и прославится. Нет-нет-нет, говорит старуха, а голос у нее скрипучий и противный. Пусть Хальвдан конунг умрет в расцвете лет, и жена его умрет, и сын умрет еще ребенком! Так они спорили о том и о другом, никто не мог одолеть. Я не заметил, как опять заснул. А когда проснулся, их, конечно, уже внизу не было.

– Но чем же кончилось дело? – с волнением спросила Бергфрид, одна из окрестных хозяек. – Какое предсказание сбудется?

– Я тоже задумался об этом. И пока я раздумывал, возле меня сел на ветку огромный черный ворон. И сказал: «Дай мне, Хальвдан конунг, кусочек мяса, и я отвечу на твой вопрос». Конечно, я отрезал от туши хороший кусок и протянул ему. Тогда он сказал: «Исполнится и то предсказание, и другое, исполнялся они оба». И пока я раздумывал, как могут сбыться противоположные вещи, он схватил мясо и улетел. Я окликнул его, но он не обернулся. Он ведь обещал ответить только на один вопрос.

Люди за столами загудели. Как и ожидала королева Аса, на йольский пир к молодому конунгу собрались все заметные люди Агдира, с побережья и из глубины страны, так что все не поместились в Кунгсхольме и часть устроили на ночь в соседних усадьбах и дворах. И никто не жалел, что пустился зимой в дальний путь: услышанные новости всех поразили.

– И что же ты намерен делать, Хальвдан конунг? – спросил старик Ярнгрим, хольд с побережья. – Как ты намерен управляться с такой противоречивой судьбой?

– Я много думал об этом. – Хальвдан взглянул на Эльвира, потом на мать. – И решил. Сегодня я дам первый в моей жизни обет на шкуре йольского кабана.

Он встал с престола и подошел к очагу, где перед деревянными идолами Одина, Тора и Фрейра была расстелена черная шкура вепря, наскоро выскобленная и натертая солью, чтобы не испортилась до настоящей выделки. Отблески огня играли на жесткой черно-бурой щетине. Вспомнилась Хадда, которая называла этого вепря своим отцом и ради мести за него предрекла Хальвдану крушение всех надежд начала жизни. Хорошенькое было бы дело, если бы она явилась сюда и стала винить его в убийстве!

– Я хочу, чтобы исполнилось доброе предсказание, а злое – рассеялось. – Хальвдан положил правую руку с золотым браслетом на шкуру. – И я буду делать все, что от меня зависит, чтобы так оно и вышло. Я хочу, что мой сын Харальд, пусть я еще ни разу не видел его будущую мать, прославился и завоевал много земель. А для этого я постараюсь ему помочь. Я клянусь

Тором, Фрейром и всемогущим асом, – Хальвдан поднял руку с браслетом и снова возложил ее на шкуру, – что сам постараюсь завоевать столько земель, сколько будет мне по силам, чтобы облегчить путь моему будущему сыну, и постараюсь прославиться, чтобы мой сын начал жизнь, подкрепленный моей славой. В этом я клянусь и призываю асов и ванов в свидетели.

Он произнес эти слова в тишине, нарушаемой только треском пламени и шумом ветра над высокой крышей. Но едва конунг замолчал, как через несколько мгновений раздался общий крик мужских голосов.

– И я! Я пойду с тобой! Я с конунгом!

Мужчины, как молодые, так и в годах, устремились к очагу; теснясь, каждый стремился тоже положить руку на шкуру и крикнуть: «Клянусь!». Фрор на радостях затрубил в рог, чтобы боги уж точно услышали.

Королева Аса в волнении стиснула руки перед грудью, потом глянула вверх, словно призывая своего отца увидеть это торжество его внука, ставшего настоящим конунгом в Агдире. Люди поверили в мудрость и удачу своего властителя, пусть ему и было всего лишь восемнадцать лет. Потом Аса опустила глаза. В эти мгновения ей хотелось, что даже Гудрёд Охотник, ее злополучный муж, увидел, как прав был, пытаясь обзавестись сыновьями от нее, Асы дочери Харальда. И пусть завидует жене из мрачного царства Хель: этот молодой витязь, отважный и мудрый, о ком спорят норны, – только ее сын, она ни с кем его не делит!

Притоку гостей Хальвдан был только рад и жалел об одном: что среди них нет Исвильд. Не мог отделаться от мысли, что тот вечер в горном лесу привел его в Йотунхейм или в сказание. В домике трех пророчиц он пребывал как во сне и многое странное воспринимал как должное. Теперь же, вспоминая, чувствовал растерянность. Престарелая лопарка, любительница пива, теперь казалась чем-то много большим, чем просто старуха. Желтые, горящие злобой, с какой-то затаенной мыслью глаза Хадды вызвали у него содрогание: мало что так пугает, как звериные глаза на человеческом лице. Всю правду, без изъятий и выдумок, он рассказал только матери и Эльвиру. Как понимать все то, что он увидел и узнал? Как ему жить с двумя предсказаниями, исключаящими друг друга? Аса подозревала Исвильд в каких-то кознях, а Эльвир только и смог напомнить Хальвдану древнюю мудрость: в борьбе со злой судьбой если не одолеешь, то хоть прославишься, а удача любит деятельных. И вышло, что если Хальвдан хочет, чтобы для его будущего сына Харальда сбылось доброе предсказание – долгая жизнь, много жен и детей, – то должен помогать ему уже сейчас.

Йольские пиры у порядочных хозяев продолжаются несколько дней, и людям хватило времени все обсудить. В полдень второго дня праздников самые знатные и мудрые из йольских гостей расположились кружком у очага в теплом покое¹³ Кунгсхольма, поблизости от высокого сидения конунга. Многие из гостей попроще устроились поодаль, сидя и лежа на помостах: кто играл в кости, кто прислушивался к умному разговору.

– Допустим, ты, Эльвир, или Фольмар, или Ингеберт, еще какой-нибудь почтенный человек придет к отцу той Рагнхильд и скажет: конунг, молодой Хальвдан из Агдира просит у тебя в жены твою дочь. Отец или сама девушка спросит: а кто он, этот Хальвдан, каков его род? Ты расскажешь им о моем происхождении, они сочтут меня за ровню: мы все происходим от Раума и Хальвдана Старого. Тогда они спросят: а чем молодой Хальвдан успел прославиться, какие деяния он совершил? И вот, к моей печали, вам будет нечего ответить. Пока я одержал победу только над йольским вепрем, а этого маловато для хорошей женитьбы.

– Если сватовство отвергнут, это нас опозорит! – воскликнула Аса. – А скорее, так и будет. Всякая невеста спросит, чем славен жених, иначе она себя не уважает!

– А добиваться невесты силой, как сделал мой отец, я не стану, в этом я уже поклялся.

---

¹³ Теплый покой – центральная главная часть дома, где находится очаг, спальные помосты и столы.

– Верно, сперва тебе стоило бы приобрести побольше веса, – кивнул Эльвир. – Чтобы понравиться и девушке, и ее отцу, кто бы они ни были.

– Советуешь мне побольше есть? – Хальвдан округлил руки возле боков, показывая, как собирается растолстеть.

– Нет, советую совершить что-нибудь такое, о чем будет не стыдно рассказать, – усмехнулся Эльвир.

– Ты уже наметил что-нибудь? – нетерпеливо спросил Фрор.

– Подумай вот еще о чем, – сказал старик Ярнгрим. – Это я к тому, что мы тут немного помним Гудрёда конунга... – Он ткнул пальцем в свою лысину, занимавшую всю переднюю половину головы, вернее, в бледный шрам на лбу. – В том ночном бою, когда пал наш Харальд конунг, мне дали по голове «бородачом»¹⁴, снесли шлем, а если бы не шлем, то и череп мне бы мне раскроили, как сырое яйцо...

– И при чем здесь Гудрёд? – с неудовольствием почти перебила его Аса. – Мой сын не будет поступать, как он!

– А при том, что если там спросят: все ли у него, конунга нашего, ладно с родичами по отцу после того убийства? В семью с раздорами порядочный отец свою дочь не отдаст.

Некоторое время все молчали. Ярнгрим был прав: породниться с наследниками распри значит когда-нибудь пролить свою кровь за чужие обиды. Но говорить о родичах Хальвдана по отцу, о Брагнингах из Вестфольда, в Агдире было не принято.

– Мне дела нет до этих людей! – отрезала Аса. – Они живут по-своему, мы по-своему, и больше я ничего о них знать не хочу.

– Ну а если конунга спросят, получил ли он какое наследство от отца? – упрямо гнул свое Ярнгрим.

– Нам от него ничего не нужно! Посмотрела бы я, есть ли у них в Холаре, в Сэхейме, или в Скирингссале, или в Каупанге, или где они там отмечают Йоль в этот раз, хотя бы вполнину такой хороший стол, как здесь! – Аса взмахом руки указала на длинные столы вдоль теплого покоя, где еще стояли блюда с остатками утренней еды.

– погоди, королева! – вмешался Гевальд Мудрый, знаток законов. – Если человек не получил наследства от отца, возникнут сомнения в... Э, мы-то все знаем, что твой брак с Гудрёдом был законным и ты получила все, что тебе полагается, но иные люди могут сказать, что... э, наш конунг не получил всего, что ему полагается! А это заденет и его честь, и нашу!

Теперь мудрецы озадаченно молчали, а прочие загудели. Заденет честь! Сватовство – всегда дело рискованное: отказ опорочит и уменьшит удачу незадачливого жениха. Отправляясь свататься к знатной невесте, никогда не знаешь, к чему идешь: к свадьбе или войне. Никто не удивлялся, что Гудрёд Охотник, будучи отвергнут юной Асой, во второй раз явился за нею с войском – конунг не мог стерпеть отказа. Но Хальвдан уже поклялся, что таким же способом восстанавливать свою честь не станет.

– К тому дело идет, госпожа, что со сватовством стоит повременить, – подвел черту Ярнгрим. – Но конунг наш молод, у него время есть и прославиться, и жену сыскать.

– Но не очень долго! – улыбнулся Хальвдан. – Иначе невесту уведет кто-нибудь другой.

– Если бы конунг один владел всем наследством – и Агдиром, и Вестфольдом! – воскликнул Бирнир. – Тогда бы за ним была такая сила, что никто не посмел бы ему отказать, даже та Брюнхильд, что сидела за золотой оградой на огненном престоле!

– Наоборот, балбес! – Фрор отвесил младшему брату шуточный подзатыльник.

– В Вестфольде уже есть конунг – этот рохля Олав, – напомнила Аса и сложила губы презрительно.

---

¹⁴ Ростовый топор, бродекс.

– Постой, матушка. – Хальвдан пристально взглянул на нее. – Но разве то, что у меня есть брат, лишает меня права на наследство?

Аса не сразу ответила, другие тоже молча ждали.

– Нет, – неохотно ответила она. – Наш брак был законным, Гудрёд сам на этом настаивал.

– Так значит, я имею те же права, что и Олав? На Вестфольд?

– Почему бы и нет? – среди тишины неуверенно ответила Аса. – Ты имеешь права, как сын Гудрёда. Но только я не хотела...

– Понимаю, тебе было довольно Агдира. Но раз уж теперь я достаточно взрослый, чтобы занять престол, я могу притязать на *все* мое наследство. И отцовское важнее – ведь я только на него имею настоящее право, да, Эльвир?

– Именно так, – воспитатель кивнул. – Если бы старый Харальд конунг или молодой Гюрд успели обзавестись хотя бы побочным сыном, то его права на Агдир был бы сильнее твоих.

– Так ты, конунг, стало быть, хочешь... потребовать у Олава половину Вестфольда? – Гевальд поднял брови.

– Если мое право законно, то непременно потребую. Ведь если я не отстою мое собственное добро, кто же даст мне хоть крошку чужого?

– Это верно... Правильно конунг говорит...

Собрание у очага одобрительно загудело. Хальвдан сидел выпрямившись, как подобает конунгу сидеть на престоле, и видел, что его слово имеет вес даже для мужчин, годящихся ему в отцы и деды. Все эти люди, не исключая стариков, смотрели на него как на конунга – на того, кто ближе к богам и поэтому знает лучше. Намеченные шаги обещали им, быть может, уже две войны: за наследство и за невесту. Взгляд Хальвдана выражал уверенность, а в душе он не то чтобы робел собственных замыслов или сомневался в них, но ясно осознавал: он необратимо стал взрослым, и не в его власти вести прежнюю спокойную жизнь. Он больше не мальчик, за которого решают мать и воспитатель. Он взрослый, он конунг, и откладывать некуда. Пора расправлять крылья. Ну а если он разобьется, как предсказала одна желтоглазая лесная вредина...

Нет. Хальвдан потряс головой. По отцу он потомок Фрейра, и не какой-то помешанной из леса вставать у него на пути.

Прядь о Трюме

...В большом очаге ярко-красное пламя ходило переливами прямо над камнями – дрова ему не требовались, как не требовалось тепла обитательнице этого дома. Дряхлая старуха зарылась в шкуры, брошенные прямо на пол у очага, так что виднелся только горб под синим платьем и маленькая голова, обтянутая красной шапочкой с завязками. Одна коса высунулась между шкур, как любопытная снежно-белая змея. Старуха, похожая на комок мятого тряпья, спала глубоким сном и похрапывала. Дом ее сотрясался от жутких порывов ветра, вихри так ревели над ветхой кровлей, что казалось чудом, как ее еще не сорвало и не унесло вместе с хозяйкой.

Со стороны двери слышались странные звуки: кто-то скребся и взлаивал. Лай и царапанье становились громче, но старуха не просыпалась. В невидимую щель под дверью стал сочиться белый туман; он уплотнился, превратился в поток свежего снега, а потом взметнулся в воздух и собрался в крупную белую собаку с яркими голубыми глазами. Подойдя к старухе, собака ткнула ее холодным носом в лицо, лизнула морщинистую щеку ледяным языком. Старуха всхрипнула еще громче. Собака взялась зубами за платье на плече и подергала.

– Ну кто там... – забормотала старуха, слегка мотая головой в знак нежелания просыпаться. – Отстаньте, жабья родня. Потом, все потом. После Йоля.

Собака снова затеребила ее, явно не собираясь отступать.

– Я сплю... сплю... потом...

Собака осторожно цапнула старуху за нос, и та разом подскочила, широко раскрыв свои глубоко посаженные глаза.

– Кто здесь? А! – Мутный взгляд ее сосредоточился на собаке и прояснился. – Ты... Матушка Хюндла! Что случилось?

Собака попятилась, припала к полу, отскочила к двери. Старуха, больше не пытаясь отнекиваться, выпуталась из шкур, сунула ноги в меховые башмаки и потопала к двери.

Скрип древних косяков в тот же миг утонул в оглушительном реве бури. Казалось, весь снег мира носился вокруг избушки плотными слоями; вихри боролись, теснили один другого, трясли домик, как детскую погремушку из бересты. Чтобы устоять под их напором, старуха вцепилась в дверной косяк, а косы ее вились за спиной, как две живые снежные змеи.

Но даже плотный снег не мог заслонить ярко-красного сияния неба. Простой человек увидел бы в этом жуткие кровавые знамения, но для старухи это сияние означало, что настал Йоля. Три ночи небо над Йотунхеймом будет расцвечено в оттенки алого пламени, отражая всю жертвенную кровь, что проливают в эти дни в Средней Ограде, в Асгарде, во всех мирах, где жители стараются поддержать равновесие вселенной. Кровь рождения нового солнца...

Белая собака шмыгнула мимо старухи и исчезла в метели. Старуха захлопнула дверь и тоже нырнула в кипящий снеговой котел. Она не видела собаки, но легко угадывала ее следы, уводящие на юг. Они шли и шли, но наконец старуха наткнулась на сидящую собаку.

– Что здесь, Матушка Хюндла?

Собака стала рыть снег лапами. Вскоре под его слоем показалось нечто темное. Тогда и старуха взялась помогать ей, разбрасывая снег руками, пока в яме не проступило нечто вроде большого куля, завернутого в шкуры. Шкуры были набиты снегом и совсем побелели, так что их изначальный темный цвет был почти не виден. Взяв зубами за шкуры, собака потянула куль из ямы.

– Ох, ох! Вот глупышка-то! – Старуха всплеснула руками. – Каким ветром ее сюда занесло?

Потом она с неожиданно силой выволокла куль из ямы и с еще более дивной ловкостью вскинула на плечи.

Белая собака взмахнула хвостом, подпрыгнула в знак одобрения и мгновенно растворилась в метели. Она не убежала – именно растворилась. Зримый образ, выполнив свою задачу, вернулся к той сущности, что его послала, и вновь стал ее частью.

С кулем на плечах старуха вернулась к избушке, сбросила ношу, отворила дверь и затащила добычу внутрь. Красный огонь, не нуждавшийся в топливе, все так же пылал над камнями очага. Старуха подтащила куль к нему вплотную и принялась разворачивать. Вскоре на свет показалось овальное лицо с широким курносом и несоразмерно высоким лбом. Темные, густые, отчаянно спутанные волосы тоже были в снегу. Старуха небрежно отряхнула лицо спасенной, откинула холодные шкуры и заменила их теми, что согрелись у очага, потом сама легла на прежнее место и погрузилась в сон.

Тесный домик огласился храпом, на миг заглушившим даже рев бури над ветхой кровлей...

Они спали и спали, не следя за временем, – времени в эти дни не было вовсе. Все так же ревели бури, а еще выше полыхало красное йольское пламя небес. Но вот красные небеса начали остывать, переходить в желтые, потом в зеленые, потом в голубые тона. Только в самом верху еще тлели полосы красного. Буря улеглась. Тогда старуха зашевелилась в своем гнезде. За время сна она неуловимо изменилась: может быть, исчез горб, потеплел цвет волос. И уж точно прекратился храп. Вот она отбросила шкуру и села, прижала руки к лицу, потерла, прогоняя сон. А потом опустила руки, явив голубым, зеленым и желтым отблескам огня в очаге свежее личико молоденькой девушки, лет тринадцати-четырнадцати. Живо она вскочила и стала оправлять на себе перекошенную одежду, затянула красный пояс с кистями на тонкой талии. Из-под синего платья чуть ниже колен виднелись довольно узкие шерстяные штаны, как в племени лопарей носят и мужчины, и женщины. Стройная и ловкая, помолодевшая хозяйка избушки и ростом оказалась выше, чем была в облике старухи. Лицо осталось скуластым, а нос курносый, но приобрело свежесть, румянец и яркую миловидность. Сбросив красную шапочку с тесьмой, девушка расплела светлые, чуть желтоватого отлива блестящие косы и стала расчесывать их костяным гребнем. Снова заплела, надела шапочку и стала так хороша – само воплощение зимнего утра с рассветным румянцем на белом снегу, – что кто угодно загляделся бы.

Потом она присела возле гостыи и потерла ее:

– Хадда! Ты жива? Просыпайся! Йоль прошел, время снова пустилось в ход. Мне не терпится узнать, как ты здесь оказалась.

В ответ послышался полустон-полувздок. Сжавшаяся в ежа гостыя с трудом развернулась и села. Она-то ничуть не похорошела за ночи безвременья: те же были грубые черты, широкий вздернутый нос, спутанные волосы. Кое-как она потерла кулаками глаза и, моргая, уставилась на хозяйку.

– Ой! – хрипло сказала она. – Ты кто?

– Не узнала? – Хозяйка захохотала. – К кому же ты шла?

– Я шла к Трюму Старому...

Хозяйка захохотала еще пуще – словно капли серебра рассыпались по избушке.

– Да зачем тебе к Трюму, у него и без тебя хватает... угощения! Ты ему на один зуб!

– Ты кто? – Хадда насупилась и приняла враждебный вид.

– Да я же Торгерд! Забыла? Мы виделись в Средней Ограде, в домике Исвилд-пророчицы.

– Неправда. Я помню Торгерд – она старуха. А ты моложе меня. Ты – ее внучка?

– Нет, дитя, я и есть Торгерд. – Хозяйка с ласковой снисходительностью тронула маленькой белой ручкой чумазую щеку Хадды, и обращение «дитя» вовсе не казалось насмешкой. – Ты видела меня в самом конце года, когда я была старухой. Йоль миновал, начался новый год, и теперь я вот такая. Месяц за месяцем я буду стариться и к следующему Йоллю опять стану дряхлой. Так расскажи, зачем ты забралась так далеко на север? Дальше живет только Матушка

Хюндла. Она меня и послала тебя отыскать и привести. Иначе не знаю, нашлась бы ты до того, как растают все снега Йотунхейма!

– Мне надо к Трюму Старому! – повторила Хадда. – Можешь указать, где он живет?

Торгерд осмотрела ее, будто подыскивая ответ, потом кивнула:

– Пойдем!

Ей пришлось протянуть руку и помочь Хадде подняться. Коренастая Хадда по виду весила вдвое больше, однако Торгерд подняла ее на ноги так легко, будто она не весила вовсе ничего.

Первой подойдя к двери, Торгерд распахнула ее.

Какое-то время они молча смотрели. Метель улеглась, сумеречный воздух был неподвижен и прозрачен. В темно-синем хрустальном небе ходили голубые, лиловые, зеленые полотна живого света; дрожали, колебались, перетекали одно в другое, играли оттенками, меняли цвета. Отблески их падали на безоглядные просторы засыпанных снегом гор северного Йотунхейма – крутые, скалистые, безжизненные, те упирались вершинами в само небесное сияние. И, сколько хватало глаз, ни одного следа. Ни одна снежинка не была сдвинута с места, чтобы нарушить безупречную гладкость снежного покрывала.

– Трюм живет вон там! – Наконец Торгерд прервала молчание и показала на одну из дальних гор.

Хадда осторожно приблизилась, встала рядом с ней в проеме двери и вгляделась. На первый взгляд гора отличалась от обычных только размерами: на голову выше прочих, она явно господствовала над ними. Вглядываясь, Хадда увидела и другое: над той горой играли более яркие вспышки небесного света.

– Вон его чертог – Трюмхейм, – сказала позади нее Торгерд. – Там вечно идет веселье, а сейчас особенно бурное – ведь Йоль. Ты прошла мимо него – не заметила в метели. А потом у тебя кончились силы, и если бы не Магушка Хюндла...

– Мне нужно туда. – Хадда почти перебила ее.

– Ты не знаешь, чего хочешь.

– Еще как знаю!

– Ты слишком мала, дитя. – Торгерд окинула ее измерительно-сочувствующим взглядом. – Перед Трюмом, его домочадцами и гостями ты не больше мышонка. Они затопчут тебя и даже не пожалеют, потому что не заметят.

– Но мне нужно туда! – Хадда нахмурилась. – Мне нужно повидаться с Трюмом.

– Что у тебя за нужда?

– Ты знаешь, если ты была тогда в избе у Исвильд! Этот жабий выкидыш, Хальвдан из Агдира, насадил моего отца на копьё! Снял с него шкуру, отрубил ему голову, разделал тушу и отвез к себе домой, чтобы поджарить и подать на стол! И вы думаете, я ему это прощу? Я отомщу! Я имею право на месть! А Трюм должен мне помочь, он ведь конунг в Йотунхейме.

– Какой помощи ты от него ждешь?

– Мне нужно больше сил. Этот жабий родич происходит от старого Торри и от Фрейра с Герд, через их сына Фьельнира. На него не действуют наши чары – потому он и смог одолеть отца. – Хадда насупилась. – А теперь он отнял силы и удачу моего отца, к нему еще труднее стало подступиться. Мне нужно больше сил. Только Трюм может мне дать, сколько нужно. Сделать меня умной, ловкой, сильной и могущественной. Как ты. Проведи меня к нему. Он – конунг, он должен заботиться о сиротах и стоять за честь нашего народа! А у меня других защитников нет.

Торгерд оглядела ее еще раз, потом кивнула:

– Ну, как знаешь.

Она повернулась и вынула из-за двери две пары широких лыж.

Вскоре две лыжных колеи пролегли через склоны и долины. Впереди сноровисто мчалась тонкая фигурка в широком, туго подпоясанном синем платье и в красной шапочке, и желтовато-белые косы вились по ветру за ее спиной. Вторая старалась не отстать, но до той ловкости ей было далеко – она напоминала колючего ежа, вставшего на лыжи. Беловато-голубое сияние неба над их головами постепенно переходило в изумрудно-зеленый. В какой-то миг Хадде показалось, что вдоль их пути бегут какие-то звери – не то псы, не то волки, со шкурами снежной белизны. Но стоило повернуться голову – она не увидела никого.

Приближаясь, гора Трюмхейма делалась все больше и больше. Сперва она заслонила долину, а потом и небо. Теперь сияние грело лыжникам только спины, а впереди была мгла. Однако Торгерд так же уверенно прокладывала путь, и Хадда следовала за ней. Усиливался шум. Хадда уже разбирала громкий рев множества глоток; стоило представить ширину этих глоток, и пробирал холодок. Звенели струны, производя такие колебания воздуха, что Хадда с трудом удерживалась на ногах. Но упрямо шла вперед: мелькающая впереди синяя с красными полосками на плечах фигурка Торгерд тянула ее за собой, за ее летящие светлые косы хотелось ухватиться, и Хадда изо всех сил налегала на шест, которым отталкивалась от снега.

А потом на нее пролился, обрушился лавиной исполинский пир в чертоге конунга Йотунхейма – свет всех мыслимых оттенков, громоподобные голоса, грозовые раскаты хохота, ледяной звон посуды, пряные запахи мяса и пива. Оглушенная всем этим, Хадда не успела остановиться и наткнулась на Торгерд – та снимала лыжи. Дверной проем перед ними уходил ввысь и вширь так далеко, что краев было не видно. Знаками Торгерд показала, чтобы Хадда отвязала лыжи. Потом крепко взяла ее за руку холодной сильной рукой и потащила за собой.

Простой смертный человек не смог бы здесь ни дышать, ни двигаться. Даже у Хадды закладывало уши от грохота, в котором она с трудом различала отдельные голоса – хохочущие, кричащие, поющие. Конунг Йотунхейма любил повеселиться, и пир у него в чертоге не прекращался никогда. Хадда знала об этом, но думала, что сумеет упрямить его уделить ей немного внимания. Теперь же она понимала, что до него ей просто не докричаться – уж слишком она мала по сравнению с прочими его гостями. Все йотуны – оборотни, и Хадда умела менять облик с человеческого на звериный и обратно, но менять свои размеры она не могла и теперь не понимала, живые существа ее окружают или живые горы. То и дело рядом что-то двигалось – настолько огромное, что она не могла охватить это взглядом, даже подняв голову. От неожиданности и испуга Хадда шарахалась из стороны в сторону, и если бы не Торгерд, не выпускавшая ее руки, уже попала бы кому-нибудь под ноги или даже в рот. Именно так: Хадде казалось, что она проходит по краю круглого ковра шириной шагов в десять, как вдруг этот ковер вознесся вверх, прямо к пещере чьего-то распахнутого рта, в частокол острых зубов – это оказалась лепешка. Торгерд вовремя сдернула ее, иначе хозяин засунул бы в пасть лепешку вместе с Хаддой, разжевал бы и проглотил, отметив, самое большее, что к угощению прилипла не то мошка, не то мышка.

А Хадда и не заметила, что они идут уже не по полу, а по длинному столу. Здесь их не могли затоптать, но опасность не уменьшилась: по столу грохотали кулаки величиной с пригорок, вонзались ножи с лезвиями длиннее, чем сама Хадда. Теперь приходилось уворачиваться от брошенных костей – каждая могла пришибить существо вроде Хадды насмерть. Она слышала, как высоко над ее головой клацают зубы, чавкают огромные пасти. Кто-то икнул, и ее затылок обожгло ледяное дыхание с запахом пива. Хадда уже и не помнила, зачем сюда пришла, и старалась лишь не отстать от Торгерд.

И вдруг услышала ее имя.

– Торгерд! – прогреготало где-то впереди выше. – Кого я вижу – малышка Торгерд! Вот так радость! Поди сюда, поцелуй меня, моя ягодка! В эти первые дни на тебя особенно приятно посмотреть.

Торгерд остановилась и выпустила руку Хадды. Та подняла голову: прямо перед ними возвышалась... возвышалось нечто, похожее на заснеженную гору, но на ней было лицо. Лицо с серо-бурой жесткой кожей, цвета камня, каменные же складки морщин, мощный орлиный нос. Лицо окружали снежно-белые спутанные волосы, спускавшиеся куда-то вниз. Такая же огромная белая борода спадала на грудь и длинным потоком ложилась на стол. Глаза... Впервые встретив их взгляд, Хадда зажмурилась: они не имели постоянного цвета, в них играли переливы тех же цветов, что и в небе над Йотунхеймом, – зеленовато-голубые, беловато-лиловые. Она сразу поняла: в три дня Йюля эти глаза были пламенно-красными. Как хорошо, что в ту ночь она сюда не дошла!

Повеяло холодным ветром – конунг Йотунхейма протянул к двум гостям руку величистой с ветвь Иггдрасиля, с каменной ладонью, где десяток крошек вроде Торгерд и Хадды могли бы весело водить хоровод.

– Не на ту напал, конунг! – весело крикнула Торгерд. – Пообещай, что будешь держать пасть плотно закрытой! И не дышать! Не хотела бы я вдруг очутиться у тебя в животе, просто потому что ты взял да и вдохнул! Я помню, как ты в прошлый раз пошутил!

Горы содрогнулись, лавины обрушились – это йотуны вокруг стола разразились хохотом. Гости Трюма любят посмеяться, и насмешить их нетрудно. А здесь, за его столом, сидели только самые древние и крупные – из тех, что, заснув, в глазах людей становятся горами.

– А я помню, как ты меня лягнула в ноздрю! – не остался в долгу Трюм.

– Ага, а ты чихнул, и я улетела прямо на грудь к Бели! Как хорошо, что у него такая мягкая борода!

– Бели, убирайся! – рявкнул куда-то вдаль стола Трюм, грозно сдвинув брови. – Я ревнив, ох как я ревнив!

– Ты мне не муж! – Торгерд горделиво подбоченилась. – Когда понадобится, я выберу кого-нибудь помоложе и покрасивее! А пока могу таскать за бороду кого хочу!

– Я стану таким, как ты захочешь дорогая! Сделаю себе золотые усы и самоцветные очи. Иди же сюда!

– Обещай не вдыхать!

– Обещаю, обещаю! Не хотел бы я ненароком проглотить тебя, крошка. Твоим маленьким ножкам долго придется блуждать по моим кишкам, пока ты найдешь выход наружу!

Исполины захохотали еще громче, воображая этот путь и этот выход. Торгерд тем временем отважно встала на ладонь Трюма; он медленно поднял ее, она ловкой белкой перескочила на его бороду и побежала вверх, придерживаясь за пряди. Добежав до рта, Торгерд потянулась и чмокнула нижнюю губу Трюма, как могла бы поцеловать валун. А потом сразу прыгнула вниз, держась за прядь бороды, и заскользила назад к столу. Йотуны хохотали, радуясь ее отваге и ловкости.

– Ты посидишь с нами, Торгерд? – спросил Трюм. – Хоть Йюль и закончился, у нас еще вдоволь мяса и пива. Ума не приложу, откуда оно берется, а?

Эта шутка взывала новую лавину грохота.

– Я пришла, не одна, а с подругой! – Торгерд обернулась и показала на Хадду. – Ее ты тоже должен угостить.

– С подругой?

Белоснежная горная вершина чуть наклонилась, на Хадду повеяло плотным холодом. Только упрямство помогло ей не упасть под этим взглядом и не свернуться в комочек.

– Ну и велика же твоя подруга! – уважительно протянул Трюм. – Она одна съест все наше мясо и пиво выпьет в один глоток! Нелегко мне будет прокормить ее!

– Тогда предложи ей выкуп, чтобы она не оставила тебя и гостей голодными! – словно подхватывая шутку, предложила Торгерд.

– Выкуп?

Глаза Трюма на миг стали чисто-голубыми и острыми, как ледяные стрелы. Снежный исполин любил посмеяться, но не был глуп. Он пережил потоп, когда кровь убитого Имира заливала миры, все живое родилось и выросло у него на глазах. Он сразу чуял, когда от него чего-то хотели.

– Какой же выкуп желает твоя подруга?

– Как зовут эту милашку? – прогрохотал сбоку другой йотун.

– Ее зовут Хадда. Давай, Хадда, расскажи конунгу, что у тебя за нужда.

Именно этого Хадда хотела, ради этого пришла сюда, пробиваясь через пургу, едва не поплатилась жизнью. Но сейчас, когда миг настал, она была бы рада, если бы Торгерд и дальше вела беседу за нее. Звонкий голосок Торгерд без усилий разносился по огромному чертогу, а Хадда едва смогла выдавить из пересохшего горла что-то вроде «хрр...».

– Хрю? – усмехнулся Трюм. – Неужели бедняжка не умеет говорить? Эй, подать нам пива речи!

Какая-то гора прошла мимо, и перед Хаддой на стол упало нечто величиной с избушку Торгерд. Только золотое. Проморгавшись, Хадда увидела чашу вдвое выше ее самой, из чистого золота; на золотых боках танцевали тонкие фигурки людей с оленьими рогами и копытами в руках. С края чаши плеснула темная волна, покатила по столу, пеной подползла к ногам Хадды. Взвизгнув, Хадда отскочила, уже почти не замечая хохота йотунов. Кричала что-то Торгерд. Потом огромная рука опустила в чашу резную ложку, зачерпнула и положила на стол перед Хаддой.

– Выпей! – крикнула Торгерд. – Иначе конунг обидится!

Обижать конунга Хадда не собиралась. Черпало ложки для нее было как лохань; наклонившись, она двумя руками, как из родника, зачерпнула темного пива, поднесла к лицу и выпила.

Пиво Трюма показалось ей холодным как лед, но сразу согрело. В нем была и медовая сладость, и терпкая горечь еловой хвои, и запах спящих цветов. Кровь вспыхнула и заискрилась, и на Хадду вдруг накатило воодушевление.

– Благодарю тебя, могучий Трюм, конунг Йотунхейма! – закричала она, отважно глядя прямо в каменное лицо, окруженное прядями метели. Глаза на нем потемнели и стали отливать зеленью. – Славься, Трюм, отец снегов и льдов, владыка бурь, повелитель зимней ночи! Все йотуны земли и камня, инея и льда повинуются тебе! Выслушай меня, позволь мне рассказать тебе, могучему владыке, мою нужду!

Пиво и впрямь было волшебным: заранее думая об этой встрече, Хадда не ждала, что ей будет так легко говорить с ним.

Трюм благосклонно кивнул и поднял густую белую бровь.

– Мое имя – Хадда, отец мой звался Большой Вепрь. Несколько дней назад, перед Йолем, хотел он потешиться охотой и вышел в леса Агдира, что в Средней Ограде. Он выбрал себе на добычу человечешку, что носит имя Хальвдан сын Асы. Но тот коварно ударил его копьем и пронзил насквозь! А потом отделил ему голову, снял шкуру, разделал его тело, отвез к себе домой и стал кормить его мясом своих домочадцев! Он принес часть мяса в жертву Фрейру, как положено у людей!

– Фрейру! – грозно повторил Трюм; его глаза вспыхнули фиолетовым, малиновым и красным, стали пугающими и опасными, как кузнечные горны Свартальвхейма. – Фрейру, ты говоришь?

Мало найдется асов ненавистнее для Трюма, чем Фрейр, брат Фрейи. Разве что сам Тор, обманувший его женским платьем, когда Трюм похитил у Тора молот и пытался в обмен получить в жены Фрейю.

– Да, ведь он – его потомок. Но не годится, чтобы наш народ приносили в жертву ванам из Асгарда! Они и так отняли у нас слишком много – Светоносную Герд, наше солнце! Мы пока не можем вернуть ее, но мы можем отомстить!

– Отомстить! – крикнул Трюм и хватил кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнула и Хадда, и золотая чаша, волна плеснула через край и покатилась, как язык прибой по морскому песку. Торгерд взвизгнула и отскочила, спряталась за какой-то миской. – Я не позволю, чтобы Фрейр и его выродки безнаказанно поедали моих подданных!

– Дай мне мудрости и сил, чтобы я могла справиться с ним! – Хадда протянула к нему руки. – Дай мне хоть малую часть твоих чар, отец льда!

Она едва слышала сама себя: йотуны вокруг ревели «Меесть!», стучали кулаками, так что Хадда невольно подсакивала.

– Хватит ли у тебя упорства, маленькая свинка? – Смотревшие на нее с высоты глаза снова были голубыми и холодными, как льды Йотунхейма. – Если я дам тебе немного силы, ты уже не сможешь отказаться от дела.

– Хватит! Я не сойду с тропы, пока не отомщу! Днем и ночью я буду преследовать его, как его собственный хвост... то есть тень, я разрушу все его замыслы, я под каждый его шаг подложу камень!

Хадда все стояла, протянув вверх сложенные лодочкой руки, будто ожидала, что сила упадет туда каплей меда.

– Хорошо. Держи.

Трюм поднес руку к бороде, вынул оттуда короткий белый волос и протянул Хадде.

– Носи его с собой. Он даст тебе ума, мудрости, сил, упорства... и красоты, – добавил Трюм, окинув Хадду снисходительным взглядом. – В борьбе с мужчинами одного ума тебе будет мало.

Хадда, повертев волос в руках – для нее он был толщиной с древесный побег, – обвязала его вокруг пояса.

И вдруг преобразилась. Черты лица выровнялись и пришли в соразмерность, лицо округлилось, курносый нос уменьшился, глаза раскрылись шире, а волосы, брови и ресницы так побелели, что казались заиндевевшими. Йотуны протяжно ахнули. Хадда, не сразу поняв, что с ней произошло, оглядывала себя, потом повернулась к золотой чаше – и ясно увидела свое отражение.

– Ах! Это я!

– Ты, ты! – подтвердила хохочущая лавина. – Такой красоте имя нужно получше. Зовись огненные Сванлида – Янтарная Метель!

– О Трюм! – взвизгнула Хадда. – О могучий владыка, дай я тебя поцелую!

– Нет, нет! – пробился сквозь хохот йотунов возмущенный голос Торгерд. – Не позволяй ей, конунг, я ревную!..

...Когда две девы вернулись в домик Торгерд, Хадда кинулась в угол, где было навалено множество серебряной посуды, выхватила чашу почище и стала в свете очага ловить собственное отражение. Тусклый образ расплывался, но главное сразу стало ясно: к ней вернулся широкий курносый нос и маленькие глазки – капли острым концом наружу.

– Жабьи яйца! – В досаде Хадда отшвырнула чашу. – Он что, обманул меня? Я опять прежняя!

– Нет. – Торгерд подняла чашу и поставила на полку. – Трюм не дал тебе нового облика, он показал видимость, морок, в который тебе облекаться, когда будешь делать свои дела. Но учти – на поддержание этого морока уходит сила. А он дал тебе не всю свою бороду, только маленький волосок. Рассчитывай, когда стоит тратить эту силу, а когда лучше обойтись тем, что имеешь от рождения.

– Тебе легко говорить – ты вон какая красавица! – обиженно буркнула Хадда.

Торгерд усмехнулась, и Хадда вспомнила: с каждым проходящим месяцем Торгерд будет стареть лет на пять-шесть, к осени на ее гладком лице появятся морщины, и к новому Йолю она станет дряхлой сгорбленной старухой.

– Ты научишь меня, как этим пользоваться?

Хадда и впрямь нуждалась в чужой мудрости, но своего ума хватило, чтобы это понять.

Торгерд подошла.

– Дай сюда.

Она сняла с пояса Хадды белый волос толщиной с древесный побег, сложила вдвое, переплела концы от середины, свернула в кольцо и надела на шею Хадды.

– Носи вот так. Никогда не снимай. Ты сможешь менять облик, то есть облекаться в морок, когда пожелаешь. Сможешь мгновенно переноситься в любое место. Накладывать чары и подменный облик на любую другую вещь и даже другого человека. Но главное, что я тебе советую, – обращайся к мощи Трюма, когда будешь думать, что тебе предпринять. Только тогда сила волоса будет не расходоваться, а подпитываться. Не стремись делать все своими руками – используй людей. Пойми, чего они хотят, где их выгоды совпадают с твоими, и направь их силы к себе на пользу. Сила волоска не вечна – однажды она закончится, так что не затягивай свое дело.

– Но у меня все получится? – Хадда с мольбой заглянула в продолговатые, обольстительные глаза Торгерд.

Та лишь усмехнулась и показала ей на лыжи у двери:

– Отдохнула? Пойдем, покажу тебе, как выбраться из долины.

– Но теперь ведь я смогу перенестись куда угодно!

– Не прямо отсюда. Здесь, в Трюмдалене, не действуют ничьи чары, кроме самого Трюма.

– Но твои же действуют!

На это Торгерд ответила еще одной снисходительной усмешкой.

За дверью ждал ездовой олень, запряженный в низкие санки. Торгерд правила, и стремительная езда не оставляла возможности еще поговорить. Торгерд провезла Хадду через две долины, потом высадила, снабдив все теми же лыжами и коробом с припасами, и указала путь.

Торопясь скорее применить свои новые возможности, Хадда встала на лыжи и бойко тронулась через долину на юг, к выходу в Среднюю Ограду. Стоя возле оленя, Торгерд смотрела ей вслед. В этой борьбе хюльдры и конунга многое уже предсказано, а значит, решено. Сбудется и то, и другое, как сама она сказала в избушке Исвилд перед Йолем. Хальвдан сын Асы исполнит и доброе предсказание, и злое. Вопрос лишь в том, в каком порядке. Это все и решит...¹⁵

---

¹⁵ Торгерд (имеет эпитеты Сияющая и Хельгабруд, что значит Невеста Хельги) – загадочный персонаж скандинавского пантеона, упоминается в довольно большом количестве источников. Ее считают богиней, обожествленным предком, дисой-хранительницей и даже духом-покровителем земли (Халогаланда), супругой очередного правителя. В «Книге йотунов» Рейвена Кальдеры она названа йотуншей, ближайшей соседкой Трюма, управляющей бурями, меняющей свой возраст и облик в зависимости от времени года.

Часть вторая

Погребальный корабль

Прядь 1

На Дисаблот – первый праздник наступающей весны, – Олав сын Гудрёда, конунг Вестфольда, всегда приезжал в усадьбу Скирингссаль. Залив Лаувик, близ которого она стояла, находился на южной окраине его владений, и сюда весна приходила чуть раньше, чем к вершинам Вика¹⁶ – огромного залива, тянувшегося к северу. Окрестности Лаувика были особенным местом. Несколько десятилетий назад датские торговые гости – от Ютландии Лаувик отделяет полтора-два морских перехода через пролив Скагеррак – по соглашению между конунгами Дании и Гудрёдом Охотником, основали здесь вик, торговое место, где сами останавливались каждое лето. Лет за двадцать-тридцать торг разросся, обстроился, получил название Каупанг, и теперь часть населения оставалась здесь круглый год, а не только на время летних поездок. Жили здесь и уроженцы Вестфольда, и свеи, и даны, и фризы. Торговцы и ремесленники заселяли ближайшую к морю полосу пологого берега – там стояли в ряд их домишки с дверями, обращенными прямо к морю, – но у конунгов Вестфольда тоже имелось здесь жилье, и более древнее. Чуть дальше от моря, на небольшой возвышенности, откуда хорошо был виден Каупанг и залив, стоял Скирингссаль – медовый зал для священных пиров, вмещавший сотни человек. Неподалеку располагалась и конунгова усадьба с тем же названием, обиталище трех-четырех поколений Инглингов. Многие из них были погребены в этом же месте: их высокие курганы смотрели сверху на залив и на новый торговый поселок.

Олав конунг приехал в Скирингссаль вместе с женой, единственным сыном – Рёгнвальдом, и с дружиной из тридцати человек, с которой совершал зимний объезд своих владений. Отсюда, из Каупанга, он должен был вернуться на север, к вершинам Вика, где стояла его главная усадьба – Сэхейм, но после того, как отметит первый весенний праздник и проведет «борозду Тора». Действо это проводилось близ буковой рощи вдоль озера, отделенного от соленых вод залива Лаувик широкой каменной перемычкой. Там, вблизи погребального поля, усеянного большими и малыми курганами, располагался старинный хёрг – груда камней, где приносились жертвы богам земли, – и огороженное священное поле величиной двенадцать на двенадцать шагов. Обязанность провести плугом три первых борозды, пробуждая замерзшую землю, лежала на конунгах, и владыки Вестфольда эту священную работу проводили здесь, на южной окраине, где земля согревалась раньше, чем в горах.

На обряд «Торовой пахоты» собирался и торговый люд из Каупанга, и бонды из окрестностей с семьями. Вечером накануне теплый покой в Скирингссале заполнили гости: Олав конунг был щедр и любил собирать вокруг себя людей, а обладание богатейшим в Северных Странах виком давало ему возможность выставлять угощение несколько дней подряд на все большие годовые праздники. Настроение у дружины и гостей было приподнятое – зима идет к концу, вот-вот земля пробудится для посева. Вестфольд славился как самый плодородный край, пашни кормили его жителей, и «Торова пахота», дающая начало новому лету, для них была поистине началом новой жизни.

И, как всегда в подобные священные дни, в теплом покое завязался разговор о предках – тех, кто создает славу любого рода и заботится о сохранении его удачи.

---

¹⁶ Вик – древнее название Осло-фьорда.

– Слава богам, что наш конунг Олав не уродился в своего деда Хальвдана! – с гордостью рассказывали жители Каупанга приезжим торговцам. – Никогда не станет морить людей голодом! Старый Хальвдан золото раздавал так легко, будто на берегу моря его собирал, зато лишней крошки хлеба у него было не допроситься. Потому его и звали – кто Щедрым, а кто Скупым, кому что было важнее.

– Да уж конечно, если всякое лето ходить по морям и не заботиться о хозяйстве, золото у тебя будет, а вот молока и хлеба днем с огнем не сыщешь! – говорила королева Торфинна, жена Олава. – Я рада, что мой муж не таков.

– Мой дед Хальвдан знал, что делал! – усмехнулся Олав. – Он и собирал золото в море – что ни лето, ходил в походы. Чтобы у людей не пропадало желание искать славы и добычи, им не следует слишком обильно питаться, так ведь можно растолстеть и утратить вкус к подвигам. Потому слава деда и гремела, что у него в дружине были худощавые, закаленные люди, и он не давал им возможности изнежиться, приобрести привычку нападать с острым железом только на жареную свинину. Зато золото всегда было у них перед глазами, не давая забыть, что приносит славу. Я слышал, дед и сам до старости оставался поджарым и жилистым, как двадцатилетний.

– И что – он погиб в битве и ушел к Одину? – спросил какой-то датский торговец.

– Нет, он умер от хвори. Хель вечно завидует Владыке Ратей, что у него в палатах множество героев, а у нее только старики и женщины. Иной раз ей удается похитить кого-нибудь, кого уже много лет ждали за столом в Валгалле. Хель сгубила деда, чтобы у нее в палатах было хоть сколько-нибудь достойных людей.

– Ну уж хотя бы она дала Хальвдану конунгу достойное место у себя?

– Да уж я надеюсь, он сидит там поблизости от Бальдра и Хёда. Если как следует рассудить, – Олав конунг оживился и подался вперед, – попасть в Хель не так уж и плохо. Там находится сам Бальдр, любимый сын Одина. И ведь это не просто так. Когда начнется Затмение Богов, Бальдр соберет свою дружину и выведет ее из бездны. Когда все боги, старшие сыновья Одина, погибнут, юный Бальдр унаследует его власть над Асгардом. А те люди, что пребывали с ним в Хель, составят его новую небесную дружину. И ведь все прежние боги будут перебиты, а это значит, что спутники нового владыки Асгарда станут...

– Неужели богами? – спросил кто-то из гостей, изумленных этим рассуждением.

– Почему бы и нет? – убежденно ответил Олав. – Не все, конечно, а те, кто сам ведет род от богов. И мой дед Хальвдан непременно будет среди них.

При этом каждый в палате, кто его слышал, не мог не увидеть на месте этого будущего бога самого Олава. Старший сын Гудрёда был на редкость хорош собой; говорили даже, что он уродился не в кого-то из ближайших предков, а прямо в самого Фрейра. Несколько выше среднего роста, плотный, плечистый, к сорока годам он располнел и являл собой воплощенное благополучие – румяное лицо, золотистая борода и волосы, голубые глаза, сиявшие ярче, когда лицо краснело от жара в палате и от меда. Облаченный в красные праздничные одежды, с серебряным рогом или золоченой чашей в руке, возвышаясь над теплым покоем, Олав был так похож на своих предков из Асгарда, что у людей захватывало дух от благоговейного восхищения.

– Не только Хальвдан, мой прадед! – оживленно подхватил Рёгнвальд, сын Олава. – Ведь не он один из наших предков не попал в Валгаллу. Его отец, Эйстейн, ведь тоже не погиб в бою?

– Он погиб в морском бою! – возразил ему Адальрад хольд. – Значит, он в Валгалле!

– Что ты понимаешь, Адальрад! – возразил ему старый Йоркель, бывший воспитатель Рёгнвальда. – Я знаю, как погиб Эйстейн конунг, мой дед тогда еще был жив и все хорошо помнил. Эйстейн конунг погиб в военном походе, это правда. Он разорил земли одного конунга, которого звали Скъэльд. Он был колдун. Конунг и сразу колдун. В старину таких было много. Эйстейн разграбил его земли, погрузил добычу на несколько кораблей и ушел. Но его корабли еще не успели далеко отойти от берега, их еще было видно. Тот конунг, Скъэльд, снял свой

плащ и подул в него, это он так отсылал чары. А Эйстейн конунг сидел у руля. Вдруг поднялись волны, и рея другого корабля сбросила Эйстейн в воду. Так он и утонул.

– Стало быть, он попал во владения великанов Эгира и Ран? – спросил Рёгнвальд.

– Нет, его люди выловили труп.

– Эйстейн похоронен в кургане в Борро, у реки Вадлы, – добавил Олав. – А если человек похоронен, пусть даже он утонул, он попадает в Хель.

– Тогда они сидят там с Хальвданом вместе, отец и сын, – сказал Рёгнвальд. – Возле Бальдра.

– Да и другой Хальвдан конунг тоже, которого звали Белая Кость, – продолжал Йоркель, довольный, что все в палате, не исключая и конунга, охотно слушают его. – Отец Эйстейна. Он здесь у нас поблизости и похоронен. Он умер от болезни, стало быть, тоже Один его не дождался.

– Это уже трое! – Рёгнвальд развеселился. – Да, наверное, и больше, да, отец? Говорят, из потомков Ингве-Фрейра мало кто погибал в битве, а значит, по большей части они теперь у Хель в дружине Бальдра!

– Не такая плохая участь, я скажу! – Олав засмеялся. – В Валгалле жизнь уж очень беспокойная: каждый день пьянка, каждый вечер драка, каждую ночь – смерть. И все ради того, чтобы однажды погибнуть окончательно в сражении с войском из подлецов, которое собирает Локи. Эти два войска, Одина и его побратима, истребят одно другое, и никого из них не останется. И вот тут развернется бездна Хель, и выйдет третье войско – войско Бальдра, чтобы отныне править девятью мирами. Я скажу, это большая удача, что наши с тобой предки – именно там! Я бы даже сказал, не стану жаловаться, если мне выпадет присоединиться к ним! Не выпить ли нам за... О!

Конунг умолк, не закончив речь и не подняв чаши: взгляд его упал на нечто перед самым его престолом и застрял. Поначалу Олав не понял, что это за белое пятно ростом с человека и почему он не может оторвать от него глаз. Потом разглядел...

Дверь в теплый покой не была заперта, и никто не заметил, как в дом проникла эта женщина. Для Олава конунга она вышла прямо из дыма очага, что помещался между его почетным сидением и входом. Он увидел ее, когда она уже стояла прямо перед ним – и наклонился, недоверчиво раскрыв глаза.

И было отчего. Она стояла трех шагах перед престолом – прямая, неподвижная, белая, как живое воплощение ледяной руны Исс. Молодая девушка, одетая в белое. Белыми как снег были ее длинные прямые волосы. Белыми как снег были ее брови и ресницы, отчего казалось, что они покрыты инеем. Только глаза ее сияли золотисто-желтым, как упавшие на снег два золотых солида из добычи воинственного конунга Хальвдана Щедрого. Шею окружала гривна белого серебра, свитая из двух толстых прутьев; украшение тяжеловато для такой хрупкой женщины, но оно казалось сосредоточием силы. В руке прищелица держала посох, вырезанный наподобие огромного веретена, и на верхнем его конце сидел хрустальный пряслень. Молодость ее исключала потребность в подпорках, и колдовское назначение этого орудия било в глаза.

Ошарашенный этим видением, Олав конунг безотчетно сделал перед собой знак молота. Гостья попятилась, но не исчезла.

– Ты кто? – выговорил Олав, и по голосу его было ясно: он все еще сомневается, что его сейчас не спросят: «Конунг, с кем ты разговариваешь?»

– Мое имя – Сванлида, прозвание – Янтарная Метель, – спокойно и горделиво объявила златоглазая.

Олав передернулся: на него будто повеяло морозным ветром Йотунхейма. Прозвание и облик гостьи дружно говорили: она из тех гостей, что приходят только в священные дни зимы. Но изящные черты юного лица сияли такой прелестью, милый курносый носик и длинные

глаза так хорошо сочетались с высокими скулами и бровями вразлет, что захватывало дух от восторга. Это была «могучая гостья», наделенная таким даром красоты, что остальные уже и не нужны.

– Мне привелось услышать твои слова, – продолжала она. – И должна сказать, что твои надежды попасть в Хель и там в благоденствии дожидаться возвращения Бальдра – несостоятельны. Весьма похвально перед Дисаблотом припоминать умерших родичей, но я бы посоветовала тебе вспомнить *о живых!*

– О живых? – Олав с трудом оторвал взгляд от сияющих белизной ресниц вокруг золотых глаз и взглянул на людей напротив: ему подумалось, что она говорит о противостоянии живых и мертвых вообще.

– О твоих *живых* родичах.

– Живых родичах? – Олав более осознанно взглянул на Рёгнвальда и Торфинну, изумленных не меньше его. И с испугом спросил: – Им грозит опасность?

В голове билась расплывчатая мысль: посланница смерти явилась за его семьей в эту ночь перед первым обрядом новой весны. Дарующие плодородие боги... желают особой жертвы?

– Им. И тебе. И всем твоим подданным. – Свободной рукой Сванлида слегка повела вокруг. – Гибель идет за вами и поглотит вас, если вы не подготовитесь к встрече.

– Гибель? – Одолевая внутреннюю дрожь, Олав попытался сосредоточиться. – Откуда мне грозит гибель?

– Помнишь ли ты, – вкрадчиво, многозначительно заговорила Сванлида, – что у твоего отца был еще один сын?

– Хальвдан, сын Асы! – вскрикнула Торфинна.

Она сообразила раньше мужа, поскольку порой опасалась, как бы ее сыну не пришлось делить владения с незнакомым дядей-ровесником.

– Именно так, – подтвердила Сванлида. – Ты, Олав конунг, позабыл, я вижу, о нем, а он о тебе помнит! Знаешь ли ты, что в праздник Зимних Ночей он возведен своей матерью на престол в Агдире?

– Да, знаю.

Осознав, о чем и о ком идет речь, Олав нахмурился. В начале зимы Хальвдан сам прислал в Вестфольд уведомление, что стал полноправным конунгом в Агдире, но тогда этому не придали большого значения. Его запомнили годовалым ребенком и даже по прошествии семнадцати лет не видели в нем взрослого мужа.

– Но ты, я вижу, не знаешь, что Хальвдан поклялся йольским кабаном, что завоюет много земель. И начнет он с Вестфольда! Так он порешил на совете со своей дружиной, и мужи Агдира поддержали его. Хальвдан намерен забрать себе наследство вашего отца – все целиком! За остаток зимы он собрал и снарядил войско, и сейчас они уже на пути сюда!

Весь теплый покой вскрикнул будто бы одной грудью.

– И велико ли его войско? – Олав вскочил.

– Не увезти и на десятке больших кораблей! Но что войско – один Хальвдан стоит десятка.

– Не может того быть! – решительно возразила Торфинна. – Хальвдан – мальчишка! Ему не может быть больше восемнадцати лет – он на год моложе нашего Рёгнвальда. Он еще ни разу не был на войне, где ему приобрести сноровку? Какой из него соперник Олаву конунгу?

– Он молод, это да! – Сванлида бросила на нее насмешливый взгляд. – Но ты не знаешь о нем кое-чего важного, королева. В йольские ночи он сошелся в поединке с йотуном в облике огромного вебря и одержал победу. Потом он съел часть его печени, и теперь в нем сила и свирепость йотуна! Мало найдется ему под стать противников, – продолжала Сванлида, повысив голос, чтобы перекрыть испуганные крики. – Если не остановить его сейчас, пока он еще

не совсем созрел, он делается могуч и неукротим, как сам Старкад¹⁷! Он наметил тебя, Олав конунг, своей первой жертвой, и я не советую терять времени, если хочешь уцелеть. Хальвдан не нуждается и в оружии – способен разрывать врагов голыми руками! Он вопьется тебе в горло своими клыками и будет пить твою кровь!

– Но когда... когда он выступил? – изменившись в лице, спросил Олав.

Кто мог бы ждать таких ужасных вестей перед мирным праздником Торовой пахоты! Трудно было поверить в услышанное, но, глядя на белую деву с ее ярко-желтыми глазами, Олав ощущал пронизывающий страх и видел все эти ужасы, как наяву. Страшная гибель была где-то рядом, дышала в лицо.

– Он намерен выступить завтра. У тебя не более одной ночи и одного дня – если ты намерен встретить его, как подобает мужчине.

– Но завтра начнется Дисаблот – время перемирия! – воскликнул кто-то из торговых гостей. – Весенний торг – время, когда запрещены все войны и нападения.

– Расскажи это Хальвдану! – с презрением сказала Сванлида, повернув к нему голову. – Он сказал, что разобьет Олава, сам сядет на престол конунга в Скирингсале и тогда уже воздаст дисам честь. Если не пошевелитесь – завтра же у вас, мужи Вестфольда и Гренланда, будет конунг-йотун.

– О Фрейя! – Королева Торфинна заломила руки. – Мы же совсем не готовы к войне! Кто мог о таком подумать! Они перебьют нас!

– Успокойся! – прикрикнул на нее Олав, но его ярость отдавала возбуждением страха. – Не очень-то я испугался мальчишку, моложе меня на двадцать лет! Я уже женился, когда он только появился на свет и мочил пеленки, если помнишь! Мне ли его бояться? Я мужчина и конунг, я двадцать лет сижу на этом престоле, ему меня не напугать!

– Это все Аса, его злобная мамаша! – едва слушая, продолжала Торфинна. – Она не постеснялась убить собственного мужа, отца своего ребенка! Двадцать лет она все лелеяла свою злобу, как змея – свой яд! Небось едва дождалась, когда сынок научился меч держать в руке! Странно, что она не погнала его сюда лет шесть назад! Кровь Гудрёда не утолила ее жажды мести! А что, она не идет сюда вместе с Хальвданом? – обратилась Торфинна к гостье.

– Нет, Аса остается дома, в Кунгсхольме. Она внушила сыну, что ты, Олав конунг, – рохля и слизняк, непривычный к оружию. – Сванлида произнесла эти оскорбительные слова громко, с расстановкой, явно желая, чтобы они получше дошли до сознания слушателей. – Я советую тебе, Олав конунг, как следует подготовиться к встрече, если ты хочешь уберечь владения и жизнь. Истреби врага, иначе он без промедления истребит тебя. Ему достанется честь провести три Торовы борозды, а твоя жена делается его рабыней. В жены он ее не возьмет, она ему в матери годится, и ей придется стаскивать грязную обувь с ног его злобной мамашы. Прощай.

Вымолвив эти слова, Сванлида повернулась и пошла прочь. Пока Олав осмысливал ее речи, она шагнула за порог теплого покоя и канула во тьму зимней ночи. И уже через пару вздохов ни один из смотревших ей вслед не мог бы поручиться, что ее явление – не страшный сон.

Однако вестью ее не пренебрегли. Посланица судьбы сделала лишь десяток шагов по направлению к буковому лесу, как перед домом конунга затрубил рог: «Приближается враг!»

---

¹⁷ Старкад – мифический герой великаньей крови, получудовище.

Прядь 2

«Торову пахоту» Олав конунг решил отложить: не годится проводить один из важнейших обрядов года, держа под рукой оружие и оглядываясь на каждый звук. У Хальвдана войско, какое не увезти и на десятке больших кораблей! Помня об этом, Олав стремился набрать, в дополнение к своим трем десяткам, как можно больше народа. Про себя думал: какая удача, что враг решил нагрянуть в самый Дисаблот, когда и без того все хозяева Вестфольда и Гренланда собираются к конунгу. В дорогу, разумеется, каждый брал с собой оружие, и Олаву оставалось подучить бондов и хольдов наступлению «стеной щитов», позаботиться, чтобы они вспомнили навыки оружного боя и меткой стрельбы, а кто не умел – хоть чему-то научиться. Вот только сам он и не помнил, когда в последний раз применял эти умения на деле.

Еще вечером был оповещен Каупанг: находясь на самом берегу, близ причалов, тот первым подвергся бы нападению. Торговцы ночь посвятили сборам, и при первых проблесках рассвета началось бегство: одни грузили товары на корабли и уходили по Вику на север, к вершинам огромного залива, а другие – на телеги и правили в глубь страны, к горам. С самого утра ветер дул вдоль побережья на север, а значит, был попутным для кораблей из Агдира. В числе первых корабль увез королеву Торфинну с ее служанками. Двадцать лет назад они с Асой, обе будучи молодыми женами с маленькими сыновьями на руках, не слишком ладили, каждая видела в ребенке другой будущего соперника своему. Рёгнвальд в глубине души был бы рад уехать с матерью, но честь мужчины ему не позволяла бежать, приходилось готовиться к бою. С самого детства он не раз слышал о злодеянии мстительной Асы, убившей его деда по отцу; его воображению рисовалась ведьма, живущая в темной пещере со своим сыном-троллем, покрытым черной шерстью и с вечно оскаленными зубами. Он бы не удивился, если бы оказалось, что его близкие родичи в Агдире едят сырое мясо и вместо пива пьют кровь.

Только два всадника двигались против потока – с севера на юг, в Каупанг. Путник, прибывший незадолго до вечера, застал испуганную суету. Мужчина средних лет, одетый добротно, но неброско, ехал верхом на хорошей горной лошади, невысокой, но крепкой, светло-серой масти, с более светлой гривой и хвостом; густая челка падала ей на морду почти до носа. Позади ехал слуга, на светло-рыжей лошадке с черной гривой. С удивлением оглядываясь, всадник направился в Скирингсаль и остановился, увидев перед воротами десятков вооруженных хирдманов.

– Приветствую вас, отважные клены кольчуги! Что здесь происходит? Здоров ли Олав конунг?

– А ты кто такой? – неприветливо спросил гостя старший над десятком, Сигфрид Шумный. – Чего здесь вынюхиваешь?

Хирдманы выставили копья, но путник не испугался, только еще сильнее удивился. Его трудно было вообразить испуганным: среднего роста, обычного сложения, он тем не менее источал уверенность человека, всегда знающего, что делать. С собой он был не слишком хорош: черты лица довольно правильные, но грубоватые, на загорелой коже множество мелких бледных шрамов, показывающих, что ему довелось когда-то пережить тяжкую хворь, от которой все лицо покрывается волдырями. Однако первыми на его лице привлекали внимание глаза: довольно большие, глубоко посаженные, светло-серые, на смуглой коже они казались очень яркими. Взгляд их был тяжелым, но не без оттенка веселости, как будто обладатель этих глаз невысокого мнения о людях, но находит в них немало забавного.

– Сигфрид, ты меня не узнал? Я уже не раз бывал здесь и хотел бы повидать Олава конунга, если он не занят.

– Конунг очень занят, и ему не до гостей.

– Пусть ему сообщат, что Браги сын Бодди просит принять его.

Послышались удивленные возгласы.

– Йотунова кость! – Сигфрид переменялся в лице. – Браги Скальд! И впрямь я тебя не признал сразу! Но если ты узнаешь, что у нас происходит, то поймешь.

– И что у вас происходит? У меня, ты знаешь, нюх на особенные события!

– Идем! Конунг в теплом покое. У него там люди, Аурнир хёвдинг, и все прочие, кто с головой.

По дороге Сигфрид успел коротко описать происходящее, а в теплом покое Браги Скальд застал не простое собрание, а военный совет. Речь держал Аурнир хёвдинг – ближайший советчик Олава, предводитель его дружины.

– Не следует давать врагу пространства для настоящего боя! – говорил он. – Мы должны помешать ему высадиться. Если мы перебьем этих берсерков еще на кораблях, на причалах, в воде, не все из них и доберутся до берега. А кто доберется – тем мы не дадим построиться и сделать «стену щитов».

– Разве берсерки сражаются «стеной щитов»? – спросил кто-то. – Они все сами по себе.

– Тем более. Пусть каждого из них застрелят, не дав подойти к нашим людям, так будет всего вернее.

– Да, это мне нравится! – кивнул Олав со своего престола.

– Лучше вовсе сжечь причалы! – крикнул еще кто-то, и несколько голосов его поддержали. – Тогда берсеркам придется прыгать в море, чтобы попасть на берег, и их удобнее будет перестрелять.

– А если они обернутся какими-нибудь чудовищами? – сказал еще кто-то. – Тюленями – попробуй попади в них в воде, если они нырнут!

– Если они станут тюленями, то и пусть сидят в воде! – отрезал Йоркель, которого старость не лишила присутствия духа и самоуверенности. – Поглядел бы я, как тюлени попробуют воевать на суше – с лапами вместо рук и ног!

– А они выйдут к берегу и тут обернутся кем-нибудь похуже! Медведями!

– Опять станут людьми!

– Но тогда они оружие утопят, пока будут тюленями! Лапами нельзя держать мечи!

– А они в зубах!

Браги Скальд, остановившись у двери, внимательно слушал, переводя взгляд с одного говорившего на другого. Будучи изрядно проницательным, за сомнениями и громогласной отвагой он ясно видел одно и то же чувство – страх. В глазах каждого в этой палате отражалась скорая гибель. Тем не менее, было ясно: Олав конунг не намерен сразу сдаваться и признавать все требования ожидаемого гостя, он собирается дать бой. Владыка Ратей, похоже, недооценил его храбрость. Или здесь нашелся кто-то, кто разжег в нем боевой дух. Еще раз окинув глазами палату, королевы Торфинны Браги не нашел. Рёгнвальд, наследник, тоже из тех, кто славе предпочитает покой. Так что за сила вынуждает Олава поднять стяги?

– Ну вот еще – сжечь причалы! Придумали тоже! – Торговцам это предложение вовсе не понравилось. – Скоро лето, съедутся люди – а причалов нет! Они развернутся да и уйдут в Бьёрко, или в Дорестад, или в Рибе! Плакали наши товары и доходы!

– Это верно – не хотелось бы остаться без торговли! – поддержал и этих Олав конунг.

– О чем вы думаете – о доходах, когда можно потерять жизнь!

– Если берсерки убьют нас всех и сожгут весь Каупанг, да и Скирингссаль в придачу – хороша торговля вам будет!

– Лучше потерять причалы и к другому лету отстроить заново, чем потерять все и навсегда!

– Следует сначала думать о необходимом! – крикнул Рёгнвальд, и люди поутихли, слушая конунгова сына и наследника. – Первое, что нам нужно – не дать берсеркам высадиться. Для

этого следует сжечь причалы. Если мы отстоим Каупаг, то причалы построим новые. А если не отстоим – зачем эти причалы, для кого они будут?

После речи Рёгнвальда ненадолго настала тишина: люди обрадовались хоть какому-то решению. Пользуясь этой заминкой, Браги прошел к сидению конунга и поклонился:

– Будь здоров и в добром духе, Олав конунг!

– Браги Скальд! – Олав встрепенулся и даже чуть привстал. – Вот неожиданный гость! Но я не удивлен, что ты появился – при твоей мудрости ты должен был знать, что здесь грядут великие события! После ты сложишь песнь обо мне... о моей победе... или славной гибели! – Олав попытался усмехнуться, но зоркий глаз Браги видел, что гибель – да и славную ли? – Олав считает более вероятной, чем победа.

– Моя арфа всегда к услугам достойных. Но объясните мне, в чем дело? Что за войско берсерков и оборотней вы ожидаете? Признаться, впервые слышу о таком, чтобы эти твари расхаживали целыми дружинами.

– Это мой злополучный брат! – Олав всплеснул руками. – Хальвдан, сын Асы из Агдира, может, ты слышал, что у моего отца был такой сын? Той самой Асы, которая подослала к нему убийцу! Аса растила его в своих родных краях, в доме своего отца. А теперь волчонок вырос и задумал захватить Вестфольд! Он угрожает убить меня, взять в рабыни мою жену! Мол, говорит, она будет снимать башмаки с его матери!

– Но как он сможет это сделать? – Браги Скальд пришел в изумление. – Ему ведь нет и двадцати, и я не слышал, чтобы он где-то отличился.

– Ты не знаешь! На Йоль он убил йотуна в облике кабана, съел его печень и обрел силу и свирепость йотуна! Он набрал целое войско из берсерков и уже ведет его сюда! Вот-вот, сегодня к вечеру он будет здесь! А у меня даже нет времени на сбор войска! Только вот эти достойные люди, что съехались на Торову пахоту!

Браги Скальд широко раскрыл глаза, словно впитывая эти невероятные сведения:

– Откуда вам это известно?

Ему рассказали о Сванлиде. Никто не знал этой женщины раньше, но никто не сомневался: это сейд-кона, к чьим советам стоит прислушаться.

Браги Скальд слушал внимательно, и хотя его грубоватое лицо не менялось, в умных глазах ясно отражалась работа мысли. Взгляд повеселел: его радовали бросаемые норнами вызовы. Изначально Владыка Ратей хотел, чтобы он сам вдохнул боевой дух в трусоватое сердце Олава, послал его в бой и помог стать убийцей сводного брата. Такие саги во вкусе Одина, а дружина Валгаллы пополнилась бы юным отважным бойцом. После встречи в горной долине Один позволил Браги попытаться спасти Хальвдана, но... позаботился, чтобы боевой дух донес до Олава кто-то другой. И как цветы из грязи, эта отвага выросла из неодолимого страха перед врагом. Ну что же? Пусть этот колючий цветок разрастается пышнее, а умный человек сумеет его сорвать, не поранившись.

– А ведь ты прав, Олав конунг! – задумчиво промолвил Браги. – Я знаю даже больше. Поев печени того йотуна в облике свирепого вепря, Хальвдан сын Асы приобрел способность принимать облик вепря. Ты сам это увидишь: он теперь носит его шкуру на плечах вместо плаща, а когда захочет – облачается в его дух. И если он на что-то разозлится, то ему, как лесному вепрю, удержу не будет. Я даже слышал, что у него в таких случаях отрастают огромные клыки, как у Старкада, и не помещаются во рту.

В палате снова раздались испуганные и горестные вопли.

– Однако, – Браги Скальд прищурил правый глаз, – не следует отчаиваться. Олав конунг! Что ты мне дашь, если я предотвращу кровопролитие и помирю тебя с Хальвданом?

– Помиришь?

– Да, я знаю средство укротить его ярость и заставить вести переговоры, как положено добрым людям, по закону.

– Сделай это! – Олав воздел руки. – Тебя наставляют сами боги, так не дай этому новому Старкаду уничтожить Скирингссаль и Каупанг! Я всегда хорошо принимал тебя, Браги, но за такой подвиг ты будешь до конца зимы сидеть на самом почетном месте, – он указал напротив себя, где располагался Аурнир хёвдинг, – и я подарю тебе золотое обручье! Клянусь Всемогущим Асом!

– Пусть все твои люди ждут в засаде, а я выйду навстречу берсеркам и оборотням один. Я спою песнь, которая укротит их ярость и сделает самого Хальвдана смиренным, как ягненок. Я приведу его к тебе, и он не тронет ни одного человека. Только и ты пообещай принять его как гостя. Пока я стою между вами, ни одна рука не должна сжимать и поднимать оружие. Договорились?

– Клянусь Всемогущим Асом! – повторил Олав, чувствуя благоговение перед такой, истинно божественной отвагой и силой.

Браги сын Бодди уже много лет славился как один из самых мудрых людей во всех фюльках Восточного и Западного края. Ему не исполнилось еще и сорока, но никто другой не знал так хорошо сказания о богах и древних героях. Никто не слагал стихи так искусно; уверяли, что Браги Скальд может делать это даже во сне. Было также известно, что боги не раз удостаивали его личных встреч и даже приглашали на пиры в Асгарде – откуда он и вынес свою необычайную осведомленность. Неудивительно, что его появление в тревожный час Олав воспринял как милость богов и охотно вручил ему свое спасение.

К вечеру оживленный в эти дни Каупанг тревожно замер, затаил дыхание в ожидании битвы. Близилась сумерки, когда с пригорка раздался звук рога. Олав, ждавший в Каупанге, немедленно выступил к причалам во главе своей дружины. В промежутках между домами, торцами обращенными к морю, ждали отряды, каждый со своим предводителем. Сам конунг был среди них, в боевом снаряжении, под стягом, в окружении телохранителей и трубача.

Вот в Викс-фьорде показался корабль – большой, боевой, он шел под парусом вдоль островов, прикрывавших вход в гавань. Видно было, что он полон людей, на высоких бортах висят плотным рядом круглые ярко раскрашенные щиты. Корабль вошел в бухту, потерял ветер, на нем стали убирать парус. Изнутри показались весла, просунутые в прорези портов – словно плывущий змей выпустил разом тридцать тонких ножек. Весла опустились в воду, и корабль осторожно двинулся к причалу.

Опытные глаза могли заметить, что корабельная дружина действует не очень-то ловко и слаженно, но если бы они видели попытки месячной давности, когда решение об этом походе только было принято, то оценили бы немалые успехи мореходов и их молодого вождя.

Зная, какое оживленное место Каупанг, мореходы немало удивились, когда разглядели, что их встречает только один человек. Сидя на небольшой скамье, мужчина средних лет держал арфу, упирая ее нижним концом в бедро, и пел. Издали еще нельзя было разобрать слов, но угадывалась искусная игра, а песня исполнялась сильным звучным голосом. Пение было столь выразительным, что казалось, сам певец и есть арфа, на которой играет существо значительно больше его.

Бальдра блеска лезвий
Встретил Фрейров возчик,
Влез лесов крушитель
На иголку Гёндуль¹⁸.

Осторожно подгребая, корабль подошел ближе.

---

¹⁸ Воина (Бальдра битвы, то есть блеска лезвий) встретил лесной вепрь (конь Фрейра) и был пронзен копьем (иглой валькирии Гёндуль).

Молвит Модгуд меда:
Время резать волны,
Сотню буков лука
Мерин моря вместит.

Часть слов уносило ветром, да и удержание большого корабля на месте требовало внимания, гребцы спорили, бросать ли якорь или причальный канат – кому, вот этому? – а Хальвдан в изумлении слушал:

Молвит слово Олав:
Брань невместна братьям.
Влагу чана в чаши
Льет калина платья.

Чистых искр палаты
Ранн даруйте Браги,
Словом скальд прославил
Брань рогов питейных¹⁹.

Закончив, певец встал, бережно положил арфу на скамью и знаком предложил бросить ему причальный канат.

– Верно ли, что на этом корабле сюда прибыл молодой Хальвдан, конунг Агдира? – крикнул он, когда его стало можно услышать.

– Да, это Хальвдан конунг! – ответил ему с борта Эльвир Умный. – А кто ты такой, сотрясатель струн? И где все здешние люди? Уж не случилось ли какой беды?

– Здешние люди опасаются беды. Прошу вас не сходить с корабля, пока я не переговорю с Хальвданом конунгом.

С корабля бросили канат, скальд закрепил его. С борта на причал перекинули длинную доску – сходни, и незнакомец поднялся на корабль.

– Кто из вас Хальвдан конунг? – Скальд окинул глазами людей перед собой и остановил взгляд на молодом человеке с длинными темными волосами. – Ни к чему спрашивать, сына отважной Асы дочери Харальда я узнал бы и в Йотунхейме.

– Выходит, ты знавал мою мать! – оживился Хальвдан. – Любопытно! Кто ты такой и почему встречаешь нас один на всем этом причале? Я слышал, здесь летом и зимой не толкнуться от народу! Куда все попрытались? Уж нет ли здесь какой беды?

– Не пришла ли сюда какая черная хворь? – озабоченно спросил Ингеберт Жар, кормчий, уже прикидывая, как будет разворачивать корабль, чтобы скорее идти отсюда подальше.

– Или приполз змей Фафни! – хмыкнул Бирнир. – И пожрал всех от мала до велика.

– Мое имя – Браги сын Бодди, – пояснил проницательный незнакомец, – известен я также как Браги Скальд. Олав конунг, твой брат, поручил мне приветствовать тебя от его имени...

– Браги сын Бодди! – воскликнул Хальвдан, едва не перебив его. – Вот так удача! Я тебя-то и ищу с самого Йоля!

– Нередко удача, Хальвдан конунг, есть плод полезных связей и нужных знаний, – усмехнулся Браги. – Я приехал в Каупанг, чтобы встретиться с тобой. Моя сестра Исвилд сказала, у

---

¹⁹ Говорит королева (Модгуд меда): время идти в море, корабль (мерин моря) вместит сотню воинов (буков лука). Олав говорит: братьям неуместно ссориться, королева (калина платья) наливает пиво (влагу чана). Далее скальд просит в награду золото (искры моря, то есть палат великанши Ранн) за то, что прославил мирный пир (битву питейных рогов).

тебя есть во мне нужда. А здесь оказалось, что у Олава конунга нужда во мне еще больше. Это тебя здесь сочли черной хворью и змеем Фафни, оттого и попрятались. Скажи-ка: ты в самом деле прибыл, чтобы убить своего брата, разорить и разграбить весь Каупанг, а потом завладеть Вестфольдом, Гренландом и прочими... А нет, иных земель у вас больше нет.

– Убить? – изумленно повторил Хальвдан. – Кого убить? Олава? Да нет же, я собирался поговорить с ним о том, как нам разделить земли нашего отца. Кто выдумал такую чушь?

– Вчера к Олаву конунгу явилась некая дева, по имени Сванлида, и рассказала, что ты больше не тот мальчик, о котором никто здесь почти двадцать лет не думал.

– Не знаю я никакой Сванлиды. Впервые слышу.

– А она, похоже, знает тебя очень хорошо.

– Какова она собой?

– По словам Олава, это молодая красивая девушка с белыми волосами и золотисто-желтыми глазами. Никого не напоминает?

– Знавал я одну девушку с такими глазами... – припомнив кое-что, пробормотал Хальвдан. – Но красивой ее было никак не назвать.

– Быть может, ты ее видел в истинном облике. А она ведь мастерица отводить глаза...

– И менять облик!

– Она сказала, что перед Йолем ты схватился в лесу с некий йотуном в облике вепря, одолел его и съел его печень. И что теперь в тебе сила и свирепость йотуна. А если подумать, то ты, скорее всего, умеешь теперь сам оборачиваться вепрем.

Совершенно ошарашенный, Хальвдан переглянулся с Эльвиром.

– Не будь ты братом госпожи Исвильд, которую наш конунг имеет причины уважать, мы бы подумали, что ты помешанный, – вежливо и даже дружелюбно сказал Эльвир.

– Чего только обо мне не думали! Но сейчас куда важнее, что Олав и его люди станут думать о тебе, Хальвдан конунг. Моя сестра просила меня приехать сюда и встретиться с тобой. Она отзывалась о тебе как о человеке учтивом, смелом, великодушном и благодарном. Не знай я этого, мог бы тоже до мокрых штанов напугаться всего, что здесь о тебе говорят. Если бы я не приехал вовремя, Олав приказал бы перестрелять всех людей на твоём корабле, не дав тебе высадиться. Страх, знаешь ли, плохо дружит с благородством.

Толпившиеся вокруг люди Хальвдана ахнули.

– Я и правда вижу за домами вооруженные отряды! – крикнул с носа Фрор, наблюдавший за причалами. – Их там много!

– Не отойти ли нам обратно в море, конунг? – обеспокоенно сказал Эльвир, переглянувшись с Ингебергом. – Пока они не двинулись на нас и не пустили стрелы.

– Ни в коем случае! – Браги Скальд поднял руку. – Ни малейшего признака страха. Наоборот, я советую вам издать громкий боевой вопль. Если кто-нибудь из вас умеет выть и реветь как берсерк, сейчас самое время.

– Откель, давай! – обернувшись, приказал Хальвдан.

Он верил Браги как брату Исвильд, но тот и сам умел быстро внушить доверие. По его уверенным ухваткам, по глубоко посаженным умным глазам было видно: он-то хорошо понимает, что происходит. Как никто другой.

Откель Бык – плотный мужчина с широкой грудью, успевший надеть кольчугу, – глубоко вдохнул и издал полувоплъ-полурев, сделавший бы честь самому змею Фафни. Вопль пронесся над пустыми причалами, отразился от стен домов, и не одно сердце оборвалось от страха, приняв это за признак обращения пришельца в ярого зверя.

– Отлично, – одобрил Браги Скальд. – Хорошо бы тебе самому так уметь. Это шкура того вепря? – Браги кивнул на буровато-черную шкуру с длинным жестким ворсом, лежавшую на плечах у Хальвдана вместо плаща. – Ты дал на ней обет всемерно увеличивать свои владения?

– Это правда. Но, Браги, мне нужно поговорить с тобой об очень важном деле. Исвильд, твоя сестра, сказала, что ты знаешь кое-что важное... или можешь знать.

– Непременно поговорим. Когда будет случай. Самое важное для тебя сейчас – без битвы сойти на берег и быть принятым у Олава как его брат, а не как Грендель.

– Кто это?

– Полутроль-полудракон, пришелец мрачный, живший в болотах, что по ночам приходил в дома жрать людей. Расскажу после. Итак, ты явился сюда для переговоров с Олавом о дележе ваших отцовских владений?

– Именно так. Я ведь имею на них право как законный сын моего отца. А пока я не получил своей доли наследства, мне не стоит и свататься к хорошей невесте. Так я о невесте и хотел с тобой поговорить...

– Чуть позже! – Браги Скальд выставил ладонь, вежливо, но решительно прерывая его речь. – Пока для тебя важнее другая дева – которая не свадебного пира для тебя желает, но погребального. Она постаралась натравить на тебя Олава, напугав его твоей силой и яростью.

– Так эта... дева хотела, чтобы Олав... убил меня? – Хальвдан взглянув на дома у причалов, за которыми явно прятались целые отряды.

– Ради этого она проделала немалый путь. Обратим ее злобу к себе на пользу. Подтверди Олаву, что одолел йотуна в облике вепря, съел от его печени и обрел не только силу и свирепость, но и способность оборачиваться вепрем. Сюда ты прибыл, чтобы поделить с Олавом владения вашего отца. Только я сумел отговорить тебя от немедленного нападения и склонил к мирным переговорам. Держись сурово и непреклонно. Так и ты вернее достигнешь своей цели, и я получу золотое обручье за посредничество.

– Выходит, ты спас мне жизнь! – Хальвдан взглянул в лицо Браги Скальда, в серые глубоко посаженные глаза. – И всей моей дружине!

– О спасении будешь говорить, когда примешь рог перед его очагом. А главное, не дай его страху перед тобой пропасть даром. Держись сурово, но позволь склонить тебя к миру. Ты ведь не можешь уйти отсюда ни с чем.

– Нет. – Хальвдан нахмурился. – Я пришел получить то, на что имею право.

– На этом и стой. Оставайся здесь и жди – я приведу Олава.

Браги Скальд сошел по сходням назад на причал и направился к домам, размахивая рукой и крича на ходу:

– Олав конунг! Все в порядке! Хальвдан конунг согласен воздержаться от нападения и просит тебя принять его по-братски!

Хальвдан и его люди с корабля провожали глазами этого удивительного гостя.

– И кого он дурачит? – спросил Эльвир.

– Если его прислала сюда Исвильд, он на нашей стороне, – сказал Хальвдан. – И я ему верю.

Прядь 3

Браги Скальд скрылся за домами. Некоторое время Хальвдан и его люди ждали на корабле, изумленные подобной встречей. Потом раздался звук рога, и на причал из-за дома выступила малая дружина: трубач, знаменосец со стягом, шестеро телохранителей и среди них сам Олав конунг: в шлеме, в красном плаще поверх кольчуги, рослый, прекрасный и грозный на вид, как Фрейр, собравшийся лично биться с великанами. Однако Эльвир, Ингеберт и прочие опытные люди сразу оценили, что боец он не особенно сильный: тяжеловат и заметно хромает.

Вот Олав подошел к кораблю шагов на семь-восемь; телохранители держали щиты наготове, чтобы его прикрыть в случае надобности. Среди людей на корабле он легко отыскал одного – сперва бросилась в глаза черная кабанья шкура, надетая вместо плаща, а уж потом – юное лицо, узкое, с высоким лбом и крупным носом, обрамленное темными волосами.

– Я – Олав сын Гудрёда, конунг Вестфольд и Гренланда! – надменно объявил Олав. – Кто ты, без предупреждения явившийся сюда с вооруженной дружиной?

– Я – Хальвдан конунг, из Агдира, сын Гудрёда конунга, твой сводный брат.

Вопрос Хальвдана удивил: Олав же знает от Сванлиды и Браги, кто к нему пожаловал и кого он приготовился встречать; но, может, у конунгов так принято? Прикидываться слепыми, глухими и беспамятными?

– Здоров будь и в добром духе, родич, Олав конунг! – Хальвдан приветственно поднял руку. – Я должен поблагодарить, что ты вышел встречать меня так пышно, со всей дружиной. Такая любезность делает тебе честь, особенно при том, что ты старше и мы не знакомы. Могу я сойти на берег?

– Прежде чем я дам такое разрешение, – сурово сказал Олав, хмурясь под шлемом, как золотое солнце в тучах, – хочу получить от тебя клятву, что ты приехал не с враждебными намерениями.

– Я приехал поговорить о наших общих делах.

– Поклянись, что не намерен покушаться на мою жизнь и мои владения.

– Покушаться на твою жизнь у меня и в мыслях не было, – сказал Хальвдан, но Олав ему не поверил. – А что касается владений, то мы могли бы поговорить о них и принять законное решение.

– А, так ты все-таки хочешь отнять у меня земли! – воскликнул Олав, и оружие качнулось в руках его дружины.

– Я был бы не прочь получить то, что мне полагается из наследства моего отца. – Хальвдан подобрался. – Но если ты готов скорее убить меня, чем выслушать... – он окинул беглым взглядом вооруженную толпу, которая за время этого разговора вытекла из-за домов и заняла весь причал, – значит, я неверно подошел к делу.

Вокруг Хальвдана возникло небольшое движение: телохранители теснее сомкнули щиты, Ингеберт Жар, сидевший у руля, отдал несколько распоряжений, чтобы корабль мог быстро отойти, Откель Бык приготовил топор – рубить причальный канат.

– Ты приехал, чтобы меня убить? – От растерянности Олав решился на прямой вопрос.

Хальвдан, не сразу найдя слова, лишь повел рукой в сторону своего корабля: у меня в десять раз меньше людей, чем у тебя!

Олав сам понял, что при таком соотношении сил вопрос прозвучал глупо. Где же то войско, которое не увезти на десяти кораблях? Может, в засаде, ждет за островами в заливе?

Видя, что оба брата в растерянности, заговорил Эльвир Умный:

– Хальвдан конунг приехал к тебе, Олав конунг, чтобы познакомиться. Теперь, когда он стал взрослым и занял престол в Агдире, вы могли бы по-родственному обсудить дела с наследством вашего общего отца, Гудрёда конунга. Но даже если ты, Олав конунг, решительно

не желаешь это обсуждать, вы можете условиться... о других возможных способах разрешить ваш спор. Но я не верю, что такой благородный человек, как ты, сможет напасть на брата, прибывшего к тебе с миром и с таким небольшим числом людей.

Спокойный голос Эльвира помог Олаву опомниться; при словах «напасть на брата» на лице конунга отразилось смущение.

– Я ни на кого не собираюсь нападать! – с досадой ответил он. – Я здесь, чтобы не дать напасть на меня!

– Хальвдан конунг даст тебе слово, что у него нет такого намерения.

– Я дам слово, Олав конунг.

– Тогда ты можешь сойти на берег, – позволил наконец Олав. – Но пусть твои люди остаются на корабле... Хотя бы половина... Можешь взять с собой пятерых. Остальные пусть пока подождут здесь.

– Но, Олав конунг, близится ночь. – Хальвдан показала на небо, уже потемневшее. – Ты же не заставишь моих людей зимой проводить ночь под открытым небом. Если да, то мне придется остаться с ними.

– Люди могут пройти на гостинный двор, – сказал Олав. – У меня в доме они все равно не поместятся.

Хальвдан переглянулся с Эльвиром и кивнул:

– Хорошо, пусть их проводят.

После этого Хальвдан наконец сошел на причал; с ним шли Эльвир с Фрором, Ингеберт Жар, двое телохранителей и Киран, слуга. В первых сумерках двое сыновей Гудрёда конунга смогли рассмотреть друг друга вблизи. Олаву приятно было видеть, что его брат ниже ростом и можно глядеть на него сверху вниз. Кабанья шкура на плечах Хальвдана была скреплена крупной, узорной, позолоченной застежкой. Сочетание черной грубой шкуры и блеска золота придавало их обладателю вид и роскошный, и дикий одновременно. Это все не нравилось Олаву, и лицо его не прояснилось. По пути к усадьбе братья отрывисто беседовали, обмениваясь вопросами о благополучии дома и родичей, о дороге и погоде, о намерениях праздновать Дисаблот и провести «Торовы борозды». Хальвдан сказал, что этот обряд уже совершил до отъезда. Хоть и был моложе, он лучше держал себя в руках и успешнее показывал себя человеком учтивым. Глядя на Хальвдана, трудно было представиться, как он превращается в чудовище и отрацивает клыки, что не помещаются во рту.

Вспомнилась одетая в белое беловолосая Сванлида, ее желтые глаза в окружении инеисто-белых ресниц. И сам себя Олав спросил: почему я ей поверил? Откуда она взялась, куда исчезла? Не видение ли это было?

– А что это за корабль? Он, я видел, не новый?

– Нет, это «Змей» моего деда Харальда. Он строился, еще пока моя мать была маленькой девочкой, а потом еще перестраивался и чинился, – стал оживленно рассказывать Хальвдан. – Он из дуба, пояса обшивки к шпангоутам привязаны китовой щетиной, палуба и мачта из сосны. Руль тоже дубовый, закреплен сосновым корнем. «Рыба» однажды треснула, когда шли на сильном ветру, пришлось ее укрепить двумя полосами железа. Корабль хорош, днем ты увидишь, какая на нем красивая резьба. На переднем штевне голова змея, свившегося кольцом, а на заднем – хвост. Я моему деду благодарен, что оставил мне такой корабль, хоть мы с ним и никогда не видели друг друга. Может, я пока не очень хорошо с ним управляюсь, я ходил на кораблях поменьше, но когда я задумал ехать к тебе, моя мать посоветовала взять этот...

– Ты это решил после того, как одолел йотуна в облике вепря? – Олав бросил взгляд на шкуру, влажно блестящую жестким ворсом в свете огней.

К тому времени как оба конунга стали подниматься к усадьбе, так стемнело, что им освещали дорогу факелами. Отблески играли на железе шлемов и оружия людей Олава. Темнота обнимала Хальвдана, как еще один плащ, огни факелов блестели в его глазах, играли на боль-

шой позолоченной застежке, и весь он, с его черными волосами, казался выходцем из ночного мрака, наделенным особой силой. «Он съел печень йотуна», – вспомнил Олав слова этой странной женщины, Сванлиды. И сейчас Олав снова ей поверил.

– Я расскажу тебе эту сагу... – начал Хальвдан и замялся, не зная, как намекнуть хозяину, что нехорошо держать усталых гостей на пороге.

К счастью, Олав, отойдя от тревоги, сам вспомнил про учтивость.

– Добро пожаловать, брат мой Хальвдан! – Олав указал на открытую дверь, за которой виднелось яркое пламя очага. – Садись с нами за стол! Выпьем прежде всего меду в память нашего отца и к славе всех нас!

– Буду рад быть твоим гостем, – так же любезно ответил Хальвдан. – Мы тоже порядком замерзли за целый день в море.

Войдя первым в теплый покой, Олав указал на место напротив своего, и его управитель проводил туда Хальвдана. Его приближенные из Агдира уселись по бокам: справа Эльвир Умный, а слева Хальвдан попросил сесть Браги Скальда. Старик Йоркель и Аурнир хёвдинг с неудовольствием переглянулись: почетное место, на котором всегда сидел второй после конунга человек в доме, нередко доставалось одному из них, а сегодня у них обоих эту честь отнял третий, чужак! Да еще и мальчишка, что годится одному из них в сыновья, а второму – во внуки!

– Что делает твой отец? – придержав Рёгнвальда за плечо, в досаде шепнул ему Йоркель. – Этот молодчик явиться не успел, а он уже сажает его на твое место! Впервые видит, а уже признал за своего брата!

– Но мы ведь знали, что у отца есть такой брат, – вполне равнодушно ответил Рёгнвальд. – Когда-нибудь нам ведь надо было с ним познакомиться. Или ты сомневаешься, что это и есть Хальвдан из Агдира?

– Да уж это точно он – отродье волчицы! Так и вижу его мамашу, как на него гляжу! Но сразу сажать на почетное место! Его мать – убийца! Ты мог бы спросить у отца – чем Хальвдан заслужил эту честь?

– Он мой дядя, он старше меня, ему полагается там сидеть.

– Дядя! Черный, как подземный карл! – злобно бросил Йоркель, все же не решаясь открыто спорить с решением конунга.

– Как сын рабыни! – так же презрительно добавил Аурнир хёвдинг. – Ты гляди, он себя еще покажет. Какие тролли принесли сюда этого Браги Скальда! Если бы не он, с этим чернявым было бы уже покончено! У него оказалось всего тридцать человек, а у нас тут пара сотен! Если бы этот брэнчатель струн не влез не в свое дело, уже никакого Хальвдана не было бы!

– Расшипелся, как змей! – оборвал его Ульфяр ярл, который в отсутствие конунга присматривал за порядком в Каупанге. – Ты хочешь, Аурнир, чтобы в Каупанге случилась битва? А если бы вик сгорел дотла? Тебе все равно, ты уедешь с конунгом в Сэхейм, а я бы остался здесь на пожарище?

– А как тебе понравится, если этот юнец потребует Каупанг себе?

– Это дело конунга – как делить свою добро, – ответил Ульфяр, хотя эта мысль явно его смутила.

– Лучше бы ему не приходилось ничего делить!

Йоркель и Аурнир, когда прошло первое изумление от событий этого вечера, все яснее стали осознавать: в Скирингсسالль явилась некая сила, которая все изменит для Вестфольда и его правящего рода. Их конунг потеряет часть владений, а они сами – долю влияния, да и доходов с собираемой Олавом дани. Неудивительно, что оба знатных мужа смотрели на черно-волосого юнца, принесшего им эти беды, как на захватчика, да еще такого, который никак не имеет права на свои приобретения! Особенно негодовал Йоркель. Дожив почти до шестидесяти, он был крепок и не собирался умирать. Случись Олаву умереть первым, престол занял бы

Рёгнвальд. Тогда Йоркель имел бы немалые надежды стать истинным правителем Вестфольда и Гренданда при своем воспитаннике – человеке довольно вялом и больше всего любящем покой и удобства.

Хальвдан сын Асы был вовсе не таким, и это опытный глаз видел сразу. Сидя напротив, два сына покойного Гудрёда Охотника выглядели противоположностью во всем, как ночь и день: один молодой, другой зрелый, один худощавый и жилистый, другой полноватый. Олав двигался неторопливо и величаво, только мешала ему хромота, а Хальвдан был по-юношески ловок и порывист. За свою внешность Олав конунг с юности носил прозвище Альв из Гейрстадира (по названию одной из конунговых усадеб), а Хальвдан перед ним и правда напоминал смуглого карла из подземного мира Свартальвхейм. Однако, хоть он и не был красавцем, его выразительная внешность, живой блеск синевато-серых глаз цепляли и не отпускали взгляд. Его водворение на месте второго конунга Вестфольда означало крушение надежд для честолюбивых приближенных Олава, и они поняли это задолго до того, как первый совместный пир братьев подошел к концу.

В этот вечер Олав конунг успел пожалеть, что малодушно отослал жену на север: без королевы челядь не могла ни приготовить, ни подать угощение как следует, и Олав хмурился, глядя на бестолковую суету. Да и гость заметил непорядок.

– А где королева Торфинна? – невинно осведомился Хальвдан. – Она ведь здорова? Не поехала с тобой? Я надеялся и с ней познакомиться. Моя мать прислала ей дары.

– Она здорова, я надеюсь, – буркнул Олав. – Она в Сэхейме. Конечно, ей будет жаль, что упустила случай познакомиться.

– Может, у нас еще будет такой случай, – примирительно заметил Хальвдан, не уточняя, где именно он может представиться.

Даже если Хальвдан и догадался, почему из Скирингссала исчезла королева, то не подал вида. Приветственный рог ему подносила жена Ульфара ярла – госпожа Хильд. Потом Олав поднял кубок в память Гудрёда, и обе брата выпили из него, стоя перед очагом. Все, кто сегодня утром собрался сражаться с Хальвданом сыном Асы, теперь смотрели на него с жадным любопытством, и никто, кроме тех двоих, не был огорчен тем, что до битвы не дошло. Особенно радовался этому сам Олав, хотя, по мнению Йоркеля, радоваться этому не стоило.

– Вечная слава Гудрёду конунгу! – кричали в теплом покое, набитом людьми так, что едва оставалось свободное место между двумя рядами опорных столбов.

– Слава Олаву конунгу!

– Слава Хальвдану конунгу!

– Слава Инглингам – потомкам великого Ингве-Фрейра!

Среди любопытных и обрадованных лиц выделялись хмурые лица Аурнира и Йоркеля. Совместное питье братьев-конунгов, само то, что Хальвдан был принят в этом покое как гость, означало, что и права его почти признаны.

– Слава роду Хальвдана Старого и его девяти сыновей!

– Ты ведь знаешь, Хальвдан конунг, что на наследство может претендовать только тот, кто способен перечислить своих предков? – прищурился Йоркель.

– Разумеется, знаю. – Хальвдан взглянул на ехидного старика несколько надменно: угадывал по глазам, что воспитатель Рёгнвальда вовсе ему не друг.

– Об этом мы поговорим позже! – сказал Олав. – Садись, Хальвдан, сейчас нам подадут еду, а потом мы послушаем, что ты нам скажешь.

На стол подавали жареную свинину, похлебку из морской рыбы и пиво. Когда все наелись, Олав попросил Хальвдана рассказать о его схватке с вепрем: дескать, надо же нам получше познакомиться и узнать, что ты за человек. О вебре Хальвдан рассказал то же, что уже рассказывал своим приближенным на йольском пиру в Кунгсхольме. Браги Скальд улыбался и чуть заметно кивал; он знал от Исвильд, как все было, но одобрял умение Хальвдана рассказы-

вать. Упомянул Хальвдан и о том, что дочь вепря-йотуна пыталась вмешаться в схватку, когда отец ее был уже мертв, но была легко ранена и отступила.

– И сдается мне, что именно она приходила к тебе, Олав, чтобы предупредить о моем прибытии.

– Так это была женщина-йотун? – воскликнул Олав. – Я бы сказал, для йотуна она слишком хороша собой. Такие красотки приходят из мира альвов.

– Насчет альвов тебе виднее, – улыбнулся Хальвдан, – но я бы сказал, что она отвела вам глаза и вы увидели ее в ложном облике. Истинный облик у нее вовсе не красив, и больше того – у нее имеется длинный хвост вроде поросычьего, с кисточкой на конце. Я сам его видел.

– Фу, какая гадость! – Олав сморщился. – Хорошо, что она не показала нам хвоста, иначе я бы не велел пускать ее в дом!

– Дурная спе-диса тебе досталась! – с поддельным сожалением сказал Аурнир. – Другим они помогают, а твоя намерена вредить!

– Чумазая судьба! – засмеялся сын Йоркеля, Альвкель.

– Попадется мне в руки, – Хальвдан без смущения глянул на него, – я ее умою.

– Лучше расскажи нам о твоей будущей невесте! – вмешался Рёгнвальд. – Кто она такая?

Несмотря на злобное шипение воспитателя, Рёгнвальд смотрел на Хальвдана скорее с любопытством, чем с неприязнью. Человек он был не злой, скорее ленивый, чем горячий. Внезапное появление опасного родича его испугало, но теперь, видя, что дядя совсем молод и держится дружелюбно, Рёгнвальд успокоился. Возможная потеря половины владений его совсем не заботила – он жил сегодняшним днем и не сомневался, что без еды и одежды не останется.

– Я знаю о ней не так много, – признался Хальвдан. – Только имя – Рагнхильд. Я надеялся, что Браги Скальд поможет мне. Ты ведь, Браги, обошел дома всех конунгов на свете. Наверняка тебе известно, есть ли у кого-то из них дочь по имени Рагнхильд?

Браги Скальд немного подумал.

– В Восточном краю, в Хрингарики, правит Сигурд Олень. По мужской линии он происходит от Дага, сына Хальвдана Старого. К потомству еще двоих его сыновей – Будли и Ловди – Сигурд причастен через женщин. Среди его прабабок была Хьёрдис, та, что стала матерью Сигурда Убийцы Фафни. У Сигурда была дочь Аслауг, она вышла за Рагнара Меховые Штаны и родила Сигурда Змея в Глазу – он был дедом Сигурда Оленя. Сам Сигурд – человек выдающийся, в молодости много ходил в походы, раздобыл себе жену за морем, в Дании, из рода Скьёльдунгов, которые происходят от самого Одина. Королева Тюррни – женщина мудрая и уважаемая, ей открыто будущее. У них с Сигурдом трое детей: Рагнар, Гутхорм и дочь Рагнхильд. Ее потомство, когда она выйдет замуж, получит кровь Одина и его сына Скьёльда, Сигурда Убийцы Фафни и Рагнара Меховые Штаны.

– Это очень хорошая невеста! – Олав наклонился вперед. – От такой женщины не могут не произойти великие герои. Почему я никогда раньше о ней не слышал? Почему ты не рассказывал нам? Рёгнвальд тоже вполне готов жениться!

– И мы еще посмотрим, кому достанется невеста, если дело дойдет до схватки! – подзадорил своего воспитанника Йоркель. – Рёгнвальд, не теряйся, ведь ты старше на год!

– Прости, Браги, но это все правда? – Хальвдан широко раскрыл глаза. – У Рагнхильд дочери Сигурда и правда такое хорошее родство? К ней, надо думать, сватаются по три раза в день!

– Она еще не обручена? – с беспокойством спросил Эльвир.

– Думаю, не обручена, – успокоил его Браги Скальд. – Сигурду ни к чему с этим торопиться. Рагнхильд сейчас семь или восемь зим от роду. Лишь через пять зим она наденет одежду взрослой женщины, да и потом придется ждать столько же, пока ее родители согласятся на свадьбу.

По теплomu покою пролетел вздох разочарования.

– Как жаль! – от души воскликнул Хальвдан. – Десять лет ждать свадьбы – это слишком долго.

Приобрести жену с таким выдающимся родством было бы большой удачей. Но девочка восьми зим от роду...

Хальвдану вспомнился тот вечер в лесной избушке. «Ей сейчас всего семь лет! – сказала ему зловредная Хадда. – К свадьбе с ней ты начнешь седеть!» Дочь йотуна знала о Рагнхильд из Хрингарики, дочери Сигурда Оленя, и именно ее хотела навязать Хальвдану. Заставить его провести молодость без семьи и потомства, в тягостном ожидании. Эта девочка, при всех достоинствах ее рода, принадлежала к *злой* судьбе Хальвдана. К худшей из двух. А значит, суждено ему что-то другое.

Хотя и жаль...

– Я знаю еще одну Рагнхильд, – сказал Браги Скальд. – В Западном краю, в Согне правит Харальд Золотая Борода. О нем известно только то, что он происходит от великана Сокни. У него есть дочь Рагнхильд, и это уже взрослая девушка – ей двадцать лет, а может, и двадцать два. Кроме нее, у старого Харальда не осталось в живых никого из детей. Ее муж получит весь Согн в приданое, когда старик умрет.

– Вот это хорошо звучит! – одобрил Эльвир Умный, пока сам Хальвдан был в легком замешательстве: его смутило, что невеста на несколько лет старше его. – Она не обручена? Вроде бы ей возраст уже позволяет!

– Тогда странно, что она до сих пор не замужем, – хмыкнула госпожа Хильд. – С таким-то приданным невесту с руками оторвут!

– Править в Согне нелегко, – пояснил Браги Скальд. – Там совсем мало земли, чтобы толком вести хозяйство, они живут морем: кто рыбу ловит, а кто и торговые корабли подстерегает за мысом. В Западном краю в каждом фьорде и рукаве гнездится по морскому конунгу, и каждый надменен, будто Одинов внук, хотя бы отец его всю жизнь свиней кормил. Харальду непросто с ними управиться, следить, чтобы они не отнимали скот у бондов. Зять ему нужен неробкого нрава, чтобы держал этих героев в кулаке. А морские конунги надеются, что невеста и власть достанется кому-нибудь из них, и, я слышал, нападают на желающих к ней посвататься.

– Одно другого не лучше! – разочарованно воскликнул Рёгнвальд. – А ты что скажешь, Хальвдан? Непростое приданое у этой невесты!

– Что поделать! – Хальвдан развел руками. – Раз мне суждено взять в жены женщину по имени Рагнхильд, придется брать как есть – с морскими конунгами!

– И когда же ты намерен к ней посвататься? – спросил Олав, еще прикидывая, ввязаться ли в эту борьбу или выигрыш не стоит трудов.

– А вот... когда улажу наши с тобой дела по наследству и буду точно знать, что смогу ей предложить.

– Да, да, это разумно! – Олав вспомнил, зачем приехал его брат, и отвел глаза. – Но об этом мы поговорим позже.

– Когда?

– Завтра у нас «Торова пахота», и когда мы покончим с этим делом, тогда обсудим все, как полагается.

Поймав взгляд Хальвдана, Браги Скальд одобрительно подмигнул ему: пока все шло как надо. Но подумал, что расслабляться не стоит: Владыка Ратей играет, пока ему любопытно, а потом – выигрывает. Всегда.

Прядь 4

На ночь Хальвдана с его людьми устроили в теплом покое конунговой усадьбы, на широких помостах. За день, проведенный в море на холодном ветру, и вечер в разговорах все очень устали, но спалось Хальвдану плохо, и он все ворочался под черной кабаньей шкурой, которой был укрыт. Вечером ему было некогда остановиться и подумать, но теперь, когда Олав ушел в спальный чулан и покой освещался только низким огнем очага, осознал: Олав собирался его встретить, как он сам – того вепря, то есть ударом копья. Стремительно ворвавшись в жизнь своего сводного брата, он избежал гибели только милостью богов. Тех, что послали сюда Браги Скальда. А Браги Скальда послала ему навстречу Исвильд Зимняя Дева. В тот вечер перед Йолем он поистине нашел двух дис, чей спор определит его судьбу: злую и добрую. Но чтобы добрая выиграла, ему придется напрячь все силы на помощь ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.